
Максим Шаравин
3
ГОРОДНАЯ
МОСКОВСКИЙ СЫЩИК
1903

Максим Шаравин

Московский сыщик. 1903. Книга 3.

«Автор»
2026

Шаравин М.

Московский сыщик. 1903. Книга 3. / М. Шаравин — «Автор», 2026

Василий Игнатьевич Белозёров, эксперт-криминалист, попал из будущего в дореволюционную Москву, в тело стажёра Московского сыскного отделения. В его руках опыт криминалистов XXI века. Там, где улики ищут по старинке, его знания, настоящее оружие против преступников.Вместе с судебным следователем Рябининым он раскрывает дела, которые кажутся безнадёжными. Каждая мелочь, в опытных руках Белозёрова становится ключом к разгадке. Но хранить свою тайну становится всё труднее.
Чем точнее его выводы, чем чаще он распутывает странные дела, тем подозрительнее он выглядит в глазах коллег.Отправляетесь вместе с героем в старую Москву, где опыт будущего помогает раскрыть прошлое. Где ошибка может стоить герою не только карьеры, но и свободы.

© Шаравин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 26
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Максим Шаравин
Московский сыщик. 1903. Книга 3.

Название: Московский сыщик. 1903. Книга 3.
Автор(-ы): Максим Шаравин

Глава 1

«Мясник» отступил на шаг, убирая стилет. А потом кинулся в угол, к старым тряпкам и мешкам.

С лестницы донёсся грохот: кто-то с силой ударил в дверь, так что засов задребезжал. Ещё удар — и дверь распахнулась.

— Стоять! Руки вверх! — рявкнул Румянцев, и тут же прозвучал выстрел.

Архип дёрнулся в сторону. Лицо перекосилось от злобы. Он уже освободил от мешков и тряпок дверь в тайный ход, оставалось только юркнуть туда. В руках моментально появился револьвер. «Мясник» открыл беспорядочную стрельбу, лишь бы заставить преследователей отвлечься. Шаг назад. К двери. К спасительной двери тайного хода.

Выстрелы в подвале оглушали так, что звенело в ушах, а пули крошили кирпич прямо над головами Румянцева и городовых, которые ввалились следом за помощником начальника сыскного отделения. Он упал на одно колено, вскинул руку, пытаясь прицелиться в «Мясника».

Щеколда поддалась. Узкий проход в сырую черноту распахнулся. «Мясник» шагнул вперёд…

Раздался громкий сдвоенный выстрел.

Пуля городового вошла под лопатку Архипа. Вторая ударила в шею. Морозов захрипел, выронил револьвер и плашмя рухнул на грязный пол.

Румянцев отмахнулся от порохового дыма и кинулся к «Мяснику».

— Готов, — небрежно толкнув ногой тело, констатировал Фёдор Емельянович.

— Василий! — в подвал влетел Рябинин и кинулся к Белозёрову.

Василий висел на верёвках, уронив голову. Из груди текла тёмная, густая кровь, быстро пропитывая одежду.

— Режьте! Живо! — крикнул судебный следователь.

Городовой выхватил нож и стал быстро разрезать верёвку. Лезвие вгрызалось в пеньковые волокна, и те одна за другой лопались под напором стали. Ещё пара резких движений — и верёвка распалась надвое, а Василий тяжело осел на руки подоспевших людей.

— Держись. Слышишь? — Рябинин всмотрелся в бледное лицо Василия и сильно прижал свой платок к ране.

— Бесполезно, Аристарх Платонович, — тихо произнёс подошедший Румянцев. — Не успели.

— В пролётку! К Давиду Моисеевичу! Живо! — закричал Рябинин, не обращая внимания на слова Фёдора Емельяновича.

Городовые подхватили Белозёрова и понесли из подвала к пролётке. Рябинин шёл рядом, продолжая прижимать платок к ране.

Румянцев проводил их взглядом и вздохнул:

— Прости, Вася.

Потом посмотрел на оставшихся городовых:

— Двое здесь, остальные наверх. Проверить всю территорию. Ты, — он ткнул в ближайшего городового, — бери вторую пролётку и поезжай в город. Сообщи Ивану Макаровичу и Аркадию Ильичу, пусть берут Лужина и приезжают. Работы тут много.

Городовые сразу пришли в движение. Румянцев вернулся к телу «Мясника», наклонился и проверил пульс, ещё раз убеждаясь, что он мёртв. Встал и направился к выходу из подвала.

Василий парил в тёмном ничто.

«Интересно, я не помню, чтобы в прошлый раз, когда меня убили, со мной было нечто подобное», — посетила его мысль.

Темнота была мягкой. Уютной. Никакой боли, никакого холода. Только абсолютная пустота и лёгкость.

«Значит, всё? Конечная?» — мелькнуло в угасающем сознании.

— Рано тебе на конечную, Василий, — неожиданно произнёс сухой, скрипучий голос. Он прозвучал из ниоткуда. И сразу отовсюду.

Белозёров вздрогнул бы, если бы сейчас чувствовал своё тело. Этот голос он узнал сразу: Архивариус. Сидор Маркович.

«Сидор Маркович?» — удивлённо спросил Белозёров во мрак.

Темнота промолчала.

А в следующий момент темноту разорвал грубый толчок. За ним ещё один. И ещё. Тело ужасно трясло. Сквозь ватную пелену пробился срывающийся на крик голос Рябинина:

— Вася! Василий! Не вздумай умирать! Держись! Гони, чёрт тебя дери, гони!

Стук копыт. Грохот колёс по брусчатке мостовой. Боль полыхнула в груди, как будто в неё вогнали раскалённый железный прут, и вдруг… исчезла. Совсем. Дыхание оборвалось. Сердце сделало последний удар и остановилось. Василий окончательно провалился в непроницаемый, холодный мрак.

Пролётка подлетела к крыльцу частной лечебницы и резко остановилась. Рябинин с городовыми выволокли обмякшее тело Белозёрова, едва не уронив его на тротуар, и потащили внутрь.

— Давид Моисеевич! — заорал Рябинин, как только они внесли Василия в вестибюль. — Давид Моисеевич!

Доктор сразу выскочил из своего кабинета в коридор:

— В операционную! Быстро несите его туда! — начал командовать Давид Моисеевич, увидев, что происходит.

— Больше света! — рявкнул врач, глянув на медсестру.

Доктор склонился над бледным лицом Василия. Прижал пальцы к шее. Потом к запястью. Схватил стетоскоп, приложил к груди. Лицо его помрачнело. Он медленно выпрямился и опустил руки.

— Аристарх Платонович… — голос врача дрогнул. — Всё.

Рябинин, весь в крови Белозёрова, как и стоящие рядом городовые, посмотрел на Давида Моисеевича.

— Что «всё»? — переспросил судебный следователь.

— Он мёртв. Пульса нет. Дыхания тоже. Слишком много потерял крови, — ответил врач.

— Ищи пульс, Давид! Делай свою работу! — зарычал Рябинин и шагнул к операционному столу.

— Аристарх, пойми… — начал говорить Давид Моисеевич.

— Ищи, я сказал! — закричал Аристарх Платонович так громко, что зазвенела посуда в шкафчиках. Он схватил доктора за грудки. — Он живой! Проверяй снова!

Давид Моисеевич сглотнул. Спорить с рассвирепевшим Рябининым он не стал. Высвободился и послушно прижал два пальца к окровавленной шее Белозёрова. Просто чтобы доказать.

Секунда. Вторая. Третья.

Врач вздрогнул. Под кожей слабо, едва уловимо, толкнулась жилка. Ещё раз. А затем грудная клетка Василия чуть приподнялась, он слабо вдохнул и выдохнул.

Глаза Давида Моисеевича округлились.

— Невероятно, — выдохнул он. И тут же заорал на всю лечебницу: — Быстро раздеваем его! Марья, ножницы мне! Зажимы! Иглу! Нитки! Быстрее! Аристарх, помогай!

Рябинин подскочил к операционному столу и стал помогать Давиду Моисеевичу разрезать одежду на Белозёрове.

— Всё, отойди в сторону! — скомандовал врач. — Марья, свет!

Рябинин сразу отошёл к двери операционной.

Давид Моисеевич осмотрел рану и нахмурился. Снова схватил стетоскоп и прижал к груди, прислушался. Потом проверил пульс на шее.

— Давид, ну?! — не выдержал Рябинин.

— Тише! — отрезал врач, не оборачиваясь. Он быстро перевернул Василия на бок, прощупал спину между рёбрами, снова уложил. — Так…

Несколько секунд он молчал, сосредоточенно глядя на рану. Потом резко выпрямился и посмотрел на медсестру:

— Перекись, йод, шёлковые лигатуры, пункционную иглу, длинную!

Медсестра кинулась к шкафу.

— Давид Моисеевич! — Рябинин шагнул вперёд.

— Не мешайте, Аристарх Платонович, — врач уже мыл руки в тазу, не поднимая глаз. — Клинок прошёл между третьим и четвёртым ребром. Пробил грудную стенку и задел лёгкое. Задняя стенка — целая. Сердце не тронуто, крупные сосуды тоже. Рука у вашего душегуба дрогнула, клинок скользнул по ребру и пошёл под углом. Ещё бы сантиметр вглубь и всё было бы кончено.

Он схватил полотенце, вытер руки и склонился над Василием:

— Но это не значит, что он будет жить. Лёгкое пробито. Кровь скапливается в плевральной полости, давит на лёгкое. И ещё Василий потерял столько крови, что сердце остановилось от шока. То, что оно снова забилось… — врач замолчал и, взяв у медсестры длинную пункционную иглу, ввёл её между рёбрами Василия, чуть ниже раны. Потянул поршень шприца. Тёмная, густая кровь хлынула в цилиндр.

— Гемоторакс, — произнёс врач, опорожняя шприц в таз. — Кровь давит на лёгкое. Откачаю, попытаюсь расправить.

Он сделал ещё два прокола, откачивая кровь из плевральной полости. Василий слабо закашлял, лёгкое начало расправляться. Врач кивнул сам себе и взял иглу с шёлковой лигатурой.

Склонившись над раной, он ловко накладывал швы на межрёберные мышцы и края раны лёгкого. Пальцы двигались быстро, точно — так, будто он делал это не впервой. Василий лежал неподвижно, только грудная клетка едва заметно вздымалась.

— Теперь нам нужна кровь, — Давид Моисеевич выпрямился и посмотрел на Рябинина, который молча стоял в дверях. — Сделаем, как учил Василий, Аристарх Платонович. Так у него больше шансов.

Врач повернулся к замершей медсестре:

— Марья! Нужна фарфоровая тарелка, пробирка и физраствор!

Медсестра кинулась к шкафу, сразу доставая всё, что просил Давид Моисеевич.

Он выхватил из её рук чистую пробирку и взял шприц с кровью Василия, которую не слил в таз. Наполнив пробирку, отставил в сторону на край стола.

— Пусть сворачивается. Нам нужна сыворотка, — пробормотал он.

Прошло пятнадцать бесконечно долгих минут. На дно пробирки осел тёмный сгусток, а сверху отделилась прозрачная желтоватая жидкость. Сыворотка.

— Готово, — выдохнул врач. Он обернулся и ткнул пальцем в крепкого молодого городового, который всё это время молча стоял в углу операционной возле дверей. — Ты. Иди сюда. Давай руку.

Парень растерянно моргнул, но спорить не стал. Сделав несколько шагов, протянул руку Давиду Моисеевичу.

Врач действовал как заведённый механизм, повторяя всё, что показывал ему Белозёров. В голове зазвучал голос Василия: «Если сыворотка склеит эритроциты донора — смерть».

Давид Моисеевич уколол городскому пальцу. Выдавил каплю на белую фарфоровую тарелку. Следом капнул физиологический раствор, чтобы эритроциты разошлись. Затем взял пипетку, аккуратно набрал сыворотку Белозёрова из пробирки и добавил в разведённую кровь городового. Перемешал уголком предметного стекла.

Схватил лупу и низко склонился над тарелкой. Секунда. Две. Три. На белом фарфоре, прямо на глазах, в розовой капле начали проступать мелкие красные зёрнышки. Эритроциты намертво слипались в видимые хлопья.

— Склеивается, — выдохнул Давид Моисеевич и посмотрел на Рябинина. — Не подходит! Нужен другой донор. Здоровый мужчина! И быстро!

— Берите мою, — Рябинин подошёл к врачу и протянул руку.

Давид Моисеевич уколол палец судебному следователю. Капля крови на чистый край фарфора. Капля физраствора. И снова сыворотка Василия. Тщательно всё перемешал.

Опять схватил лупу и склонился над тарелкой.

Секунда. Две. Три. Пять. Десять.

На белом фарфоре капля оставалась идеально ровной, розовой и однородной. Никаких красных зёрнышек. Никаких хлопьев. Агглютинации не произошло.

— Подходит! — чуть не сорвавшись на крик, сказал Давид Моисеевич, и в его голосе прозвучало настоящее торжество. — Аристарх Платонович, ложитесь рядом с ним на кушетку! Живо!

Рябинин в два шага оказался у кушетки и лёг, посмотрев на бледного Белозёрова.

Сначала стали возвращаться звуки. Скрип половиц, приглушённое хлопанье дверей, тихие голоса. Потом в нос ударил больничный запах. А следом появилась тупая ноющая боль в груди.

Белозёров с трудом открыл глаза. Белый потолок моментально поплыл, голова закружилась, и Василий сразу зажмурился.

— Очнулся… Слава тебе, Господи, — где-то справа раздался тихий женский голос.

Через несколько секунд хлопнула дверь.

Прошла минута, а может, все пять, когда дверь снова хлопнула и Белозёров услышал топот.

— Василий, — голос Рябинина прозвучал совсем рядом.

Белозёров открыл глаза. Аристарх Платонович склонился над его лицом. Под глазами судебного следователя залегли такие чёрные тени, словно он не спал целую неделю.

— Воды… — еле прохрипел Василий.

Лицо Рябинина сразу исчезло. Через пару секунд голову Белозёрова осторожно приподняли. К губам поднесли стакан. Обычная вода показалась Василию самым вкусным напитком на свете. Сделав несколько глотков, Белозёров закрыл глаза. Его голову аккуратно опустили на подушку.

— «Мясник»? — едва слышно прошептал Василий.

— В прозекторской у Семёна Лукича, — ответил Рябинин, поправляя подушку под головой Белозёрова. — Румянцев его застрелил. Всё, Василий Игнатьевич. Кончился «Мясник».

Дверь распахнулась, и в палату влетел Давид Моисеевич. Он бросился к кровати, бесцеремонно отодвинул судебного следователя и вцепился в руку Белозёрова, нащупывая пульс.

Потом взял стетоскоп, немного откинул одеяло и приложил к груди Василия. Спустя десяток секунд снова укрыл Белозёрова:

— Василий, — позвал он.

Белозёров, приоткрыв глаза, посмотрел на Давида Моисеевича.

— Хорошо, у тебя теперь всё будет хорошо, — прошептал врач, вглядываясь в лицо Василия. — Тебе повезло. Клинок прошёл между третьим и четвёртым ребром. Пробил груд-

ную стенку и задел лёгкое. Как будто сам Бог отвёл руку душегуба. Аристарх Платонович рассказал мне про «Мясника» и что он всегда бил без промаха.

— Гемоторакс? — вдруг спросил Белозёров.

— Да, я откачал кровь, расправил лёгкое и всё зашил. Переливание… — Давид Моисеевич на мгновение замолчал. — Я сделал всё так, как ты показывал. Проверил доноров. Нашёл ту, где не возникло агглютинации.

— Чья? — прошептал Василий.

— Аристарха Платоновича, — сразу ответил врач.

Белозёров скосил взгляд на Рябинина, который стоял рядом.

Рябинин улыбнулся, пытаясь спрятать за этой улыбкой усталость:

— Кровь городового не подошла. Так что теперь мы с вами, Василий Игнатьевич, можно сказать кровные братья.

Василий попытался улыбнуться, но губы слушались плохо.

— Спасибо, Аристарх Платонович. За всё. — Голова снова закружилась, Белозёров закрыл глаза и стал проваливаться в темноту.

— Отдыхай, Василий. Набирайся сил. Мы будем приходить, — произнёс Рябинин.

Но на этот раз темнота была тёплой и спокойной. И в ней больше не было чужих голосов. Не было мыслей.

Время в больнице тянулось очень медленно. В первые дни Василий в основном спал и пил куриный бульон, который медсестра по указанию Давида Моисеевича вливала в него чуть ли не силой. Рана затягивалась слишком медленно. Стоило глубоко вдохнуть или неаккуратно повернуться — в груди вспыхивал огонь.

Но постепенно молодой организм брал своё. Рана заживала. Дышать с каждым днём становилось легче. Через неделю, когда медсестра вышла из палаты, Василий с трудом спустил ноги и сел на кровати.

— Да что ж вы такое делаете? — вскрикнула девушка, когда, вернувшись в палату, застала Белозёрова сидящим. — Быстро ложитесь, иначе Давид Моисеевич ругаться будет!

Ещё через три дня Василий под присмотром пришедшего в гости Воронова сделал первые шаги по палате.

— Василий Игнатьевич, хватит, — сказал Воронов, придерживая Белозёрова под руку.

— Спасибо, Иван Макарович, — произнёс Василий, опускаясь на кровать. — Скоро будет намного лучше.

Давид Моисеевич, пользуясь моментом, превратил палату в настоящий кабинет для допросов. Когда у него появлялось свободное время, он расспрашивал Василия про кровь: про то, как определять группы, как ставить пробу с сывороткой и что за скрытый белок — резус-фактор, из-за которого повторное переливание может стать смертельным. Василий объяснял, но избегал любых вопросов о том, откуда ему известны эти вещи. Каждый раз доктор выходил из палаты ошарашенный.

— Если бы я не видел этого своими глазами… — бормотал врач, делая пометки в пухлой тетради. — А потом не сделал это своими руками, я бы никогда не поверил. Но такое переливание сработало со стопроцентной вероятностью. Вы живы. А ведь вас не было, Василий Игнатьевич. Вы умерли в той пролётке. Когда вас привёз Аристарх Платонович, у вас не было пульса и вы не дышали. Я точно могу сказать: вы были мертвы.

Василий молчал, вспоминая голос архивариуса в темноте. «Рано тебе на конечную, Василий». Это не было бредом. Белозёров точно это знал. Сидор Маркович каким-то немыслимым образом был там, вместе с ним. И возможно, именно он не дал ему умереть.

Через две недели к Белозёрову пришли неожиданные гости. Дверь открылась, когда Василий сидел на кровати.

— Доброе утро, Василий Игнатьевич, — произнёс Менахем Лейбович, первым входя в палату. Следом вошёл Арон Абрамович. За ними, неся в руках чехлы для одежды и коробки, зашли Моня и Лёва.

— Доброе утро, — удивившись такому визиту, произнёс Василий.

— Аристарх Платонович нам всё рассказал, — начал говорить Арон Абрамович. — И мы с братом решили сделать вам подарок, так сказать, на новый день рождения.

— Лёва, Моня, — скомандовал Менахем Лейбович. — Начинайте. Сначала костюм, потом ботинки, пальто, шляпа, перчатки и трость.

Лёва с Моней сразу засуетились. Арон Абрамович и Менахем Лейбович стали помогать Василию одеваться.

— Ну как? — портной обошёл Белозёрова, оглядывая со всех сторон.

— Всё отлично, как и в прошлый раз, — улыбнулся Василий.

— Это было просто. Я всё сделал точно так же, даже выбрал такие же цвета и ткань, — ответил Менахем Лейбович. — Лёва, Моня, помогите Василию Игнатьевичу раздеться и всё аккуратно повесьте на вешалку.

— Спасибо, Менахем Лейбович, Арон Абрамович. Это как нельзя вовремя. Моя-то одежда полностью уничтожена, — произнёс Белозёров.

— Знаем, Василий. Всё знаем. Давид Моисеевич тоже участвовал в финансировании этого подарка, — улыбнулся Арон Абрамович. — Сказал, что он вам тоже должен за ценные уроки.

Василий улыбнулся.

В конце третьей недели Белозёрову окончательно осточертел больничный запах. Он дождался, когда к нему с утра зайдёт Давид Моисеевич, и, встав с кровати, начал одеваться:

— Я ухожу. Рана зажила. Чувствую я себя прекрасно.

— Но, Василий Игнатьевич, как же так, — растерялся врач. — Я должен так много ещё у вас спросить, а вам бы не мешало ещё недельку побыть здесь.

Белозёров застегнул пальто, надел шляпу, перчатки и, взяв в руки трость, посмотрел на Давида Моисеевича:

— Я и так рассказал вам слишком много. А что касается моего здоровья, то у меня всё хорошо. Долечусь дома. Да и работать надо.

Давид Моисеевич вздохнул, потом встал и протянул руку:

— Василий Игнатьевич, заходите, когда будет возможность. Я начал ставить опыты, используя всю информацию, которую вы мне рассказали. Я даже заказал микроскоп и центрифугу.

— Хорошо, будет время — буду заходить, — согласился Василий. Пожав руку врача, он вышел из палаты.

Утро было холодным и ветреным. На улице прошёл дождь, и на мостовой кое-где стояли небольшие лужи. Василий плотнее запахнул пальто и поднял воротник. В груди ещё тянуло, но Белозёров уверенно двинулся в сторону окружного суда, решив прогуляться впервые за три недели. Не спеша шагая по тротуару, опираясь на трость лишь для вида, Василий наслаждался новой жизнью.

Здание окружного суда встретило его привычным гулом, стуком каблуков по лестницам и запахом сургуча. Белозёров глубоко вдохнул, стоя в вестибюле, и направился в архив.

Спустившись на цокольный этаж, он толкнул тяжёлую дверь. Заперто. Василий несколько раз постучался. Не дождавшись ответа, он отправился в кабинет судебного следователя Рябинина.

Рябинин сидел за столом, зарывшись в бумаги. Увидев Василия, он отложил перьевую ручку и широко улыбнулся.

— Василий Игнатьевич! Живой, худой, бледный, но на ногах! — Аристарх Платонович вышел из-за стола и крепко пожал Василию руку. — А мы с Вороновым и Румянцевым собирались к тебе сегодня после обеда. А ты сам явился.

— Мне уже настолько осточертел больничный запах, что я решил уйти, — усмехнулся Василий, присаживаясь на стул. — Решил сначала к вам зайти, узнать, как дела. Потом поеду в сыскное отделение. Пусть Воронов привлекает к работе.

— Можешь не ездить. Он сам приедет сюда. Тем более, что Иван Макарович прикрепил тебя ко мне, — произнёс Рябинин.

— Что с Морозовыми? — задал вопрос Василий, на который уже три недели не мог получить ответ. Ни Рябинин, ни Воронов, ни Румянцев не желали на него отвечать, пока он лечился.

Аристарх Платонович вернулся на своё место. Лицо его стало серьёзным. Он выдвинул ящик, достал папку и положил перед собой на стол. На обложке большими буквами было написано: «Мясник».

— Всё, Василий Игнатьевич. Точка поставлена. Дело уже у министра внутренних дел. А что там с ним дальше будет, меня не интересует, — ответил судебный следователь.

— Морозов шум поднял? — Белозёров посмотрел на папку.

— Ещё какой, — поморщился Рябинин. — Старший Морозов всех на уши поднял: градоначальника, генерал-губернатора, даже до министра внутренних дел дошёл. Грозил нам карами, требовал всех уволить, а Румянцева за убийство «достойного гражданина» отправить на каторгу. Но против фактов не попрёшь. Мы собрали всё. Улики из подвала помогли объединить все дела «Мясника». А ещё Бортник его опознал. На опознании даже министр присутствовал. Потом Бортник показал, куда тело «Фили Хромого» скинул. Конечно, самого тела найти не удалось. Река верно унесла его. Но этого хватило.

— И что в итоге? — поинтересовался Василий, надеясь, что всё обошлось.

— Замяли. Тихо, без огласки. Министр внутренних дел вызвал Морозова-старшего и популярно ему объяснил, что, если он не хочет позора для своей семьи, то пусть молчит и забудет обо всём. Тело «Мясника» тайно похоронили. Все дела закрыли в связи со смертью обвиняемого. «Мясника» больше нет, — Рябинин подвинул папку к Василию. — Можешь ознакомиться, если хочешь.

Василий посмотрел в окно:

— Нет. Хочу забыть.

Рябинин кивнул и убрал папку назад в стол. Потом открыл другой ящик и достал новую папку:

— Ознакомься. Новое дело. И дело, я тебе скажу, слишком странное…

Глава 2

Белозёров взял протянутую судебным следователем папку. Папка была совсем новой, ещё не затёртая чужими руками. Василий развязал тесёмки и открыл. Сверху лежал стандартный лист с кратким описанием дела.

— Гусятников Ермолай Степанович, — вслух прочитал Белозёров первую строчку. — Шестьдесят два года. Богатый купец и владелец крупных лесозаготовок и обширных северных земель.

— Это один из самых богатых купцов, кто занимается лесом и пушниной, — добавил Рябинин, откинувшись на спинку своего кресла. — Имеет большие контракты на поставки в Европу. Точнее, уже был и имел.

— Ясно, — кивнул Василий и продолжил читать. — Найден мёртвым в своём кабинете. — Белозёров поднял взгляд. — А кто нашёл?

— Горничная. Утром, часов в семь. Пришла убираться в его кабинет. Двери были приоткрыты. Она позвала хозяина, подумала, что он в такую рань начал работать. Ответа не было. Заглянула, а он на полу лежит. Подняла вой на весь дом и всю улицу, городовые приехали через четверть часа.

Василий перевернул страницу.

— Особняк на Пречистенке. Высокий забор, круглосуточная охрана, собаки, — задумчиво произнёс Белозёров. — И при этом кто-то пробирается ночью в дом, убивает одного из самых влиятельных купцов города и спокойно уходит. Охрана спала всю ночь?

— Клянутся, что глаз не смыкали. И собаки не лаяли. Окна целы, чёрный ход заперт изнутри на засов, — сразу начал отвечать Рябинин. — Городовые сообщили Горюнову, а он вызвал сыщиков. Первым прибыл Мохов, потом уже Воронов и Румянцев с Лужиным. Я уже позже приехал. Прокурор дело под свой контроль взял. Как-никак, богатейшего купца убили.

Рябинин вздохнул:

— Чай будешь?

— Буду, — согласился Василий.

— Ты дальше почитай, а я нам чай организую, — Аристарх Платонович встал и направился к двери кабинета. — Начни с протоколов допроса городовых, которые прибыли на место первыми.

Василий продолжил чтение, открыв первый протокол допроса: «Мебель перевёрнута, кресла распороты, бумаги разбросаны. Настоящий хаос. Мы с напарником сразу решили, что это налёт. Дерзкий и наглый разбой с убийством».

Василий нахмурился. «Разбой? У Гусятникова в особняке на Пречистенке? Что за бред», — промелькнуло в голове. Белозёров дождался, пока вернётся Рябинин с подносом, на котором он принёс две чашки и сахар.

— Аристарх Платонович, что за бред с разбоем? — спросил Василий, делая глоток горячего чая.

— Вот именно, что бред, — согласился Аристарх Платонович.

— Да туда ни один грабитель в здравом уме не сунется. Охрана у него не хуже, чем у князей. И собаки. Слишком большой риск для банального грабежа, — Белозёров усмехнулся.

— Вот и я так думаю, Василий Игнатьевич, — сказал судебный следователь. — Городовые, увидев разбросанные вещи, сразу сделали выводы, даже не став думать. Читай дальше.

Василий снова опустил взгляд в бумаги. Быстро пробежал глазами показания бьющейся в истерике прислуги и клянущихся всеми святыми, что они не спали, охранников. Перелистнул на следующую страницу, наконец добравшись до протокола осмотра, который слишком педантично написал Рябинин.

Аристарх Платонович всегда писал мелким почерком, так, как будто экономил чернила: «Осмотр кабинета начат в восемь часов и тридцать минут утра. Рабочий кабинет представляет собой большую комнату на втором этаже с двумя окнами на улицу Пречистенку. На момент прибытия следственной группы в кабинете наблюдался крайний беспорядок». — Василий быстро читал протокол осмотра. Рябинин всё описывал слишком тщательно. «Тяжёлое кресло из красного дерева вывернуто суконным брюхом вверх. Векселя, счета, личные письма, разбросаны ровным слоем по всему паркету. Бронзовая лампа лежит рядом с письменным столом, стеклянный абажур разбит вдребезги. На кожаном диване имеется глубокий порез. Идёт от одной стороны до другой через всю обивку. Складывается впечатление, что кто-то в ярости решил исполосовать всю мебель ножом…»

— Видишь? — спросил Рябинин, отрывая Василия от чтения. — Городовые как зашли, так сразу и сделали неверные выводы, — Аристарх Платонович усмехнулся и произнёс, подражая голосу одного из городовых: — Ваше высокоблагородие, да там же полная картина дерзкого разбойного нападения, учинённого неизвестными злодеями с целью наживы. У нас нет никаких сомнений.

— С целью наживы… — повторил Василий, задумчиво посмотрев на Рябинина. — А Воронов и Румянцев что говорят? А Тихон?

— Говорят, что это не ограбление, и я с ними полностью согласен, — ответил Аристарх Платонович.

Василий дочитал протокол осмотра и закрыл глаза, мысленно представляя обстановку по сухим протокольным строчкам Рябинина. Пространственное мышление выстраивало чёткую картинку. Вот заходят двое или трое. Начинают ломать, рвать и швырять мебель. Ерунда какая-то. Белозёров открыл глаза и посмотрел на Рябинина:

— Аристарх Платонович, а вам не кажется, что они слишком старались?

— В смысле? — Рябинин приподнял бровь.

— Ну посмотрите сами, — Василий показал на протокол осмотра. — Кресло не могло так просто упасть в борьбе. На весь дом бы стоял грохот. А по показаниям прислуги ничего подобного не было. Значит, его аккуратно перевернули. Дальше, порез на диване — один ровный и длинный. Зачем резать обивку, если ты пришёл грабить? Искать деньги или драгоценности внутри дивана? Возможно. Но почему тогда разрез только в одном месте? Если бы искали всерьёз, изрезали бы весь диван, все его подушки. А тут один демонстративный порез.

Рябинин молча взял чашку с чаем, сделал глоток, покрутил её в руке и негромко сказал:

— Декорация.

— Именно, — кивнул Белозёров, чувствуя, как в груди снова начинает азартно колотиться сердце (и тут же отозвалось тупой болью в заживающем лёгком). — Это не хаос, произведённый грабителями в поисках тайников. Это очень хорошая декорация. Кто-то очень хотел, чтобы первый же вошедший человек, неважно, кто — горничная, сыщик, городовой — зацепился глазом за разгром и сделал единственный «правильный» вывод: ограбление.

— Чтобы не искали дальше, — закончил за Василия Рябинин. — Чтобы списали всё на залётных грабителей и убрали дело через месяц в нераскрытые.

— Вот именно. Но тот, кто ставил этот спектакль, слегка перестарался. Грабители действуют быстро и шумно, но экономично. Они не будут тратить драгоценное время на то, чтобы красиво разбрасывать бумажки по всему паркету, — Василий снова опустил взгляд на протокол. — Ладно, с протоколом осмотра пока всё понятно, вернёмся к нему позже. А что сам Гусятников? Где лежало тело?

— А вот это читай дальше, — Рябинин подался вперёд. — Пётр Степанович описание делал и снимки. Сам знаешь, как он всё описывает. Там про позу и про то, как его нашли. Заключение судебного врача о причинах смерти тоже там.

Василий перевернул страницу. Протокол осмотра тела купца Е. С. Гусятникова. Пётр Степанович, как и Рябинин, писал мелким почерком. Белозёрову пришлось наклониться ближе:

«Труп купца Гусятникова Е. С. обнаружен на паркете возле письменного стола, в положении на правом боку. Одежда не нарушена, пуговицы сюртука застёгнуты. При осмотре тела следов борьбы не выявлено…»

— Никакой борьбы, — тихо повторил Белозёров, дочитывая протокол, составленный Лужиным, и рассматривая сделанные им снимки. — Ни одной ссадины. И одежда не порвана. Пуговицы все на месте.

— Вообще ничего, — подтвердил Рябинин. — У Гусятникова руки чистые. На кулаках нет ни одного синяка. А ведь Ермолай Степанович в молодости на северных сплавах брёвна плечом двигал — мне управляющий его особняка рассказал. Здоровый мужик был. Если бы на него напали грабители, он бы их голыми руками скрутил, как минимум шум бы поднял, и кто-нибудь да услышал и пришёл на помощь. А тут никакого сопротивления. Вообще.

Белозёров достал из папки заключение судебного врача Семёна Лукича Тулина:

— Так… — Василий начал внимательно читать заключение. — Странно, очень странно. Как будто Гусятников знал убийцу и в какой-то момент повернулся к нему спиной. Один точный удар. Рана узкая, с ровными краями. Орудие убийства проникло под левую лопатку, аккуратно между четвёртым и пятым рёбрами, и достало до самого сердца. Крови снаружи почти не было. Так, небольшое пятно. Значит, плотная ткань сюртука закрыла рану, и всё ушло внутрь. Семён Лукич пишет, что раневой канал ровный, глубокий. Сантиметров четырнадцать. Предварительный вывод: орудием убийства является узкий длинный кинжал или нож.

Василий поднял глаза на судебного следователя:

— Аристарх Платонович, вы понимаете, что это значит?

Рябинин молча взял со стола карандаш и начал крутить его в руках:

— Понимаю. Один удар. В тишине. Без шума, без ругани, без единого выстрела.

— Это ещё раз подтверждает, что это не залётные грабители, — произнёс Василий. — Неопытный убийца бьёт куда попало. Режет по животу, марает всё вокруг кровью, жертва орёт от страха. А тут… Тут работал профессионал. Убийца подошёл сзади, когда Гусятников повернулся к нему спиной и, скорее всего, даже не подозревал об опасности. Удар нанесён опытной рукой. Точно. Хладнокровно. Без малейшего колебания. Попасть с первого раза таким клинком ровно в межрёберную щель — для этого нужна огромная практика и хорошее знание анатомии.

— Анатомии? — Рябинин прищурился. — Намекаешь на врача? Или бывалого каторжника-убийцу?

— Или на наёмника, который зарабатывает этим на жизнь, — ответил Белозёров. — Гусятников даже обернуться не успел. Его тело придержали, а потом аккуратно уложили на паркет возле стола. И только после этого убийца приступил ко второй части программы. К инсценировке ограбления.

— Значит, сначала тихо убил, а потом стал переворачивать мебель, — подытожил Рябинин. — И никто его не торопил. Убийца остался в кабинете один на один с трупом.

— Именно. И у него было более чем достаточно времени. Вот теперь давайте посмотрим, чем он занимался все эти часы. Или они. Мы пока не понимаем, сколько человек было в кабинете.

Василий вернулся к протоколу осмотра рабочего кабинета, который написал Рябинин.

— Итак, Аристарх Платонович, в вашем протоколе есть одна любопытная деталь, на которой я вначале не стал заострять внимание: осмотр сейфа немецкой фабрики «Арнгейм», — продолжил Василий. — Я так понимаю, осмотр делал Тихон Мохов, а вы с его слов писали?

— Всё верно. Тихон у нас специалист по сейфам и несгораемым шкафам. Видит сразу, если его открывали не ключом, — Рябинин потянулся и хрустнул пальцами. — Сейф стоит в углу. Дверца настежь. Замок открыт.

— Вот именно, что открыт, — Белозёров приблизил страницу к глазам, перечитывая записи Рябинина. — Внешних повреждений на стальном корпусе и замочной скважине не обнаружено. Ригели задвинуты в положение «открыто». Следов применения фомки или кувалды, а также ломки сувальд не имеется.

Василий поднял взгляд на судебного следователя.

— Вы же знаете, что это за сейф? — спросил Белозёров, внимательно посмотрев на Рябинина.

— Конечно. Это сейф «Арнгейм». Почти восемь сантиметров бронированной стали, двухключевой сувальдный замок с секретом и поворотным шифром. У нас в городе таких сейфов от силы десяток. Их ставят в банках да у богатых купцов и промышленников. Чтобы разворотить такую махину, нужен либо динамитный заряд, либо часа три работы кувалдой и зубилом. При этом шуму будет на весь дом. А этот открыли без единого звука, — ответил Рябинин.

— Без единой царапины на замочной скважине, — уточнил Василий. — Вы пишете, что замок открыт либо родным ключом, либо идеальным, ювелирно подогнанным дубликатом, либо…

— Либо работал медвежатник, — перебил Рябинин, и лицо его потемнело. — Медвежатник высшей пробы. Из тех, кто по слуху сувальды выставляет.

— Именно. Рядовой карманник или уличный грабитель к такому сейфу даже не подступится. Он просто не поймёт, с какой стороны к нему подойти. Для этого нужен специалист. Человек, который знает устройство сложных немецких замков так же хорошо, как врач анатомию человека, — Василий задумчиво посмотрел в окно. Картина складывалась всё более странная.

— Давайте сопоставим, Аристарх Платонович. В дом пробирается некто. Действует тихо, собак не тревожит. Подходит к Гусятникову сзади и укладывает его одним точным ударом кинжала или ножа под лопатку. А затем спокойненько подходит к сейфу и за несколько минут вскрывает замок высшей сложности, будто собственную тумбочку.

— И только потом начинает крушить мебель, — кивнул Рябинин. — Раскидывает бумаги, режет диван, бьёт лампу. Создаёт видимость ограбления.

— Да. Качественный спектакль для полиции. Только вот исполнители этого спектакля — специалисты самого высокого класса. Один — хладнокровный убийца, второй — филигранный медвежатник. И оба работают в паре. На заказ, — произнёс Василий.

— Или это был один и тот же человек, — тихо сказал Рябинин.

Василий на мгновение задумался, представляя себе такую фигуру, и по спине пробежал лёгкий холодок:

— Если это один человек, то мы имеем дело с кем-то совершенно неординарным. Но главной остаётся загадка: ради чего пошли на такое? Что искали в сейфе? Деньги? Золото? Драгоценные камни?

— Давай посмотрим опись того, что там лежало и что пропало. В самом конце в папке, там есть лист, — сказал Рябинин. — Там как раз записано всё, что нашли внутри… и то, чего не досчитались. Опись делали в присутствии жены купца, его управляющего и двух понятых.

Василий перевернул листок. Пальцы наткнулись на длинную, разлинованную от руки таблицу — опись содержимого кабинета и самого сейфа, составленную Рябининым в присутствии двух понятых, а также жены купца и его управляющего.

Василий начал молча пробегать глазами столбцы, и чем дальше он читал, тем сильнее выгибалась его бровь.

— Аристарх Платонович… — Василий медленно поднял глаза от бумаги. — А сколько, по-вашему, зарабатывает обычный уличный грабитель за один налёт?

Рябинин неопределённо пожал плечами, выбивая дробь пальцами по столу:

— Если полтинник с кассы сдёрнет — праздник на неделю. А если целковых сотню из хозяйского комода выудит, так весь притон месяц пьёт и гуляет. А что?

— По словам жены купца, Гусятников хранил в сейфе большую сумму наличных денег.

Василий пододвинул папку ближе к Рябинину и ткнул пальцем в аккуратный список:

— Восемь тысяч рублей купюрами сторублёвого достоинства. Пять тысяч — пятидесятирублёвыми. И три тысячи — мелкой купюрой. Всего — шестнадцать тысяч рублей наличностью.

Рябинин замер. Пальцы его перестали выбивать дробь.

— Шестнадцать тысяч… — повторил судебный следователь.

— Наличностью! — подчеркнул Белозёров, чувствуя, как от возбуждения в груди начинает знакомо поджимать рана. — Лежали на самом виду. Не спрятаны в тайник, не замурованы в двойное дно. Открываешь дверцу — и вот они, бери не хочу. На эти деньги в нашем городе можно купить два каменных дома с мезонином, и ещё останется на выездную тройку с золочёной сбруей.

Василий перевернул листок дальше:

— Но это ещё не всё. Золотые монеты в двух шкатулках. Общий вес — почти три килограмма чистого золота. Карманные золотые часы с цепью, усыпанной мелкой бриллиантовой крошкой. Золотой портсигар с вензелем. И всё это… — Василий поднял на Рябинина выразительный взгляд, — всё это, со слов жены купца и управляющего, пропало.

— Всё верно, грабители полностью обчистили сейф, — произнёс Рябинин.

— Но это не всё, есть ещё кое-что, и мне видится, что это именно то, зачем они приходили. Ради чего всё это затевалось, — Василий медленно повёл пальцем по списку. — Остальное — всё лишь видимость. Продолжение созданных декораций с ограблением.

Рябинин смотрел на Василия, ожидая, пока он продолжит.

— Отсутствуют: главная конторская книга за последний год. Папка с актами на владение землями в северной губернии. Договоры на аренду лесных угодий. И ещё несколько частных расписок, — Белозёров поднял глаза на судебного следователя. — Шестнадцать тысяч рублей наличными, золотые монеты, карманные золотые часы с цепью, усыпанной мелкой бриллиантовой крошкой, золотой портсигар с вензелем — и куча ненужной грабителям бумаги.

Василий продолжал смотреть на Аристарха Платоновича.

— Ты хочешь сказать, что главной целью грабителей были не деньги и не золото из сейфа? — спросил Рябинин. — А бумаги…?

— Именно! — Василий со стуком опустил ладонь на стол. — Вдумайтесь, Аристарх Платонович! Специалист высочайшего класса вскрывает сейф «Арнгейма». Идеальная работа. Ни одной царапины. И перед ним открывается Клондайк: шестнадцать тысяч наличкой, три килограмма золота, драгоценности! Любой грабитель, от последнего оборванца до королей преступного мира, забил бы этими пачками все карманы и ушёл! Грабители идут на дело ради денег. Всегда. Зачем ему тащить с собой кучу бумаги, которая для него не больше чем мусор для растопки печки?

— А этот… — Рябинин подался вперёд, — уложил хозяина, вскрыл сейф, забрал шестнадцать тысяч рублей и золото… А потом аккуратно сложил все бумаги и тоже унёс с собой.

— Именно! Он забрал всё! Все эти договоры на аренду, конторские записи — они ему не нужны. Куда он с ними сунется? Это же такая сильная улика, что если его поймают с этими бумагами, то он уже не отвертится, — Василий откинулся на спинку стула, глубоко вдохнув и тут же поморщившись от кольнувшей боли. — Грабежа не было, Аристарх Платонович. Теперь

я в этом уверен на все сто процентов. И погром в кабинете устроили не для того, чтобы найти спрятанный кошелёк. Это была дымовая завеса. Картонные декорации для наивной полиции.

Рябинин медленно поднялся со стула, подошёл к окну и опёрся руками о подоконник.

— Убить Гусятникова. Нарисовать картинку ограбления. Забрать шестнадцать тысяч рублей, золото и драгоценности… — пробормотал он. — А потом забрать все бумаги, которые никому не нужны. Господи Иисусе. Что же такого ценного должно быть в этих бумагах, если они действительно приходили за ними?

— Не знаю. Но если узнаем, то сразу найдём, если не исполнителя, то заказчика. Эти бумажки могут стоить сотни тысяч, Аристарх Платонович, — тихо ответил Василий, тоже встав со стула и подойдя к Рябинину. — Золото из сейфа и деньги забрали только для видимости. А вот право собственности на северные земли или запись о крупном долге… Это совсем другой масштаб. Тот, кто забрал эти документы, не просто ограбил Гусятникова. Он точно знал, что в них ценного.

— Выходит, всё дело в его лесных угодьях или в северных землях, — Рябинин задумчиво постучал по подоконнику. — Или у него наклёвывалось новое дело или очень серьёзный контракт, о котором никто в городе не знал.

— Похоже на то, — согласился Белозёров. — Убийца знал, что нужные ему документы в сейфе. Он не рылся в архивных подшивках за прошлые года в шкафах, не тратил время. Он сразу открыл сейф, забрал документы и устроил декорации, чтобы все считали это обычным ограблением, а убийство Гусятникова списали на случайность.

Василий вернулся к столу и закрыл пухлую папку. Аккуратно связал её тесёмки и положил на стол Рябинину.

В кабинете воцарилась тишина. Только капли начавшегося дождя застучали по оконному стеклу.

— Что делаем дальше, Василий Игнатьевич? — Рябинин посмотрел на молодого сыщика с искренним уважением. — С чего начнём?

— С тех, кто знал, какие именно документы лежали в этом сейфе, — произнёс Белозёров. — С окружения Ермолая Степановича. Нам нужен его управляющий или старший приказчик. Человек, который вёл его дела и знал каждый документ наперечёт. Во-вторых — нотариус, который составлял эти акты. И, конечно, надо пообщаться с роднёй. В таких семействах из-за наследства и не такое устраивают.

— Приказчик Гусятникова — некто Захаров, — произнёс Рябинин. — Мы должны обсудить с Вороновым и Румянцевым список тех, кого надо допросить. Они должны приехать к двум часам.

— Отлично, — Василий повернулся к Рябинину. — Аристарх Платонович, давайте пока в трактир сходим. А то мне эта больничная еда уже поперёк горла. Заодно и отвлечёмся.

— Пошли, как раз успеем пообедать до приезда Воронова, — согласился Рябинин.

Глава 3

Белозёров и Рябинин быстро взбежали по ступеням крыльца окружного суда. Только они открыли тяжёлую дверь и вошли внутрь, как мелкий дождь сменился громким плотным ливнем. На мостовой мгновенно образовались бурные потоки воды.

— Успели, — Аристарх Платонович стряхнул с лацканов капли.

— Ещё бы минуту — и промокли до нитки, — согласился Василий, идя рядом с Рябининым по коридору в кабинет судебного следователя.

В кабинете Рябинин повесил сюртук на вешалку и потёр замёрзшие ладони:

— Трактирщик сегодня на славу постарался. Бульон у него хоть и пресный, зато горячий. Как бок, Василий?

— Терпимо, — Белозёров уже снял пальто, повесив его на вешалку рядом с сюртуком Рябинина. Прошёл к столу и осторожно присел на стул, стараясь не тревожить заживающую рану. — На сытый желудок и боль вроде не так донимает. Всё хорошо, но вот эта беготня от дождя для меня пока слишком тяжела.

— Рано ты из лечебницы Давида сбежал, — покачал головой Рябинин. — Надо было тебе недельку всё-таки ещё там побыть.

— Я уже устал от его лечебницы и от его расспросов, — Василий махнул рукой. — Аристарх Платонович, пойду я до архивариуса схожу, пока остальные не приехали.

— Что-то узнать хочешь у него? — поинтересовался Рябинин.

— Нет, — отрицательно покачал головой Василий. — Хочу просто с ним поговорить. Больно интересный старик.

— Ну сходи, только Сидор Маркович особо общаться ни с кем не любит, если к нему без повода приходят, — предупредил судебный следователь.

Василий встал и направился в архив.

Спустившись на цокольный этаж, Белозёров остановился перед дверью. Постояв пару секунд, он толкнул тяжёлую дверь, надеясь, что сейчас будет открыто. Дверь поддалась и заскрипела. Как только Василий сделал шаг внутрь архива, керосиновые лампы, стоящие на стойке, вспыхнули ярким светом, осветив сидящего на стуле старика.

Сидор Маркович медленно поднял голову и посмотрел на Белозёрова:

— Добрый день, Василий Игнатьевич. Как ваше самочувствие?

Василий подошёл к стойке и посмотрел в глаза старику:

— Самочувствие моё нормально, но меня интересует, кто вы?

— Я-то? — улыбнулся старик. — Я старый архивариус Сидор Маркович.

— Я знаю, что вы были там, со мной. Когда я умер, — Василий продолжал смотреть в глаза архивариуса.

— Вам, наверное, показалось, молодой человек. Я не понимаю, о чём вы сейчас говорите, — спокойно ответил старик. — И если вы умерли, то как вы можете стоять передо мной?

— Зачем я здесь? — спросил Белозёров. — Ведь «Мясника» больше нет.

Сидор Маркович усмехнулся. Встал со стула и направился в глубь архива.

Дверь за спиной Василия заскрипела, и он резко обернулся. Она была открыта, как будто показывая ему, что пора уходить. Белозёров хотел окликнуть архивариуса, но его уже не было. Где-то в глубине архива мелькнул свет лампы.

Василий вышел из архива, протянул руку, чтобы закрыть дверь, но она закрылась сама.

Вернувшись в кабинет Рябинина, он посмотрел на судебного следователя, который сидел за столом, обложившись документами. Василий хотел задать вопрос про архивариуса, но дверь резко распахнулась, и в кабинет буквально внесло троих. Воронов, Румянцев и Мохов выглядели так, будто их только что выловили из Москвы-реки.

— Ну и ливень! — Румянцев отжал край рукава своей формы прямо на пороге. — Хлынуло так, будто плотину прорвало. А у пролётки, как назло, даже откидной крыши не оказалось.

— Да ладно тебе, Фёдор Емельянович, сейчас согреемся. Тем более что дежурный судебный пристав пообещал нам горячего чаю принести, — начальник сыскного отделения Воронов опустился на свободный стул, вытирая платком лицо. — Тем более посмотри, кто тут у нас.

Тихон Мохов подошёл к Белозёрову:

— Здравствуй, Василий. А мы к тебе в лечебницу собирались после обеда.

— Добрый день, Тихон. Я сбежал ещё утром, — Василий посмотрел на Воронова и Румянцева. — Рад вас видеть.

— И мы рады, — сказал Румянцев. — Доброго дня, Аристарх Платонович. Дело уже нашему сыщику показали?

— Фёдор Емельянович, не гони лошадей, — усмехнулся Воронов. — Аристарх Платонович, доброго дня.

— И тебе доброго, Иван Макарович. Фёдор Емельянович, Тихон, — кивнул Рябинин.

В дверь постучали.

— Входите, — сказал Рябинин.

В дверях появился дежурный судебный пристав с подносом в руках. Прошёл в кабинет и поставил его на стол у окна, за которым обычно сидел Василий.

— Спасибо, — поблагодарил Рябинин.

Судебный пристав молча кивнул и вышел из кабинета.

Рябинин взял папку с делом Гусятникова и прошёл к столу Василия. Все уже пододвигали стулья и рассаживались. Тихон быстро налил всем чай и вцепился в свою чашку, грея об неё руки.

Василий пододвинул к себе папку с материалами и посмотрел прямо на Мохова:

— Тихон, а откуда ты в сейфах разбираешься?

— Так я же раньше только делами по вскрытым сейфам и занимался. Всех медвежатников знаю. Даже могу почерк каждого определить. Это последнее время Иван Макарович и Фёдор Емельянович меня к убийствам привлекли, — ответил сыщик, делая глоток чая.

— Теперь ясно, — кивнул Василий. — Ты в протоколе осмотра про сейф фабрики «Арнгейм» указал, что следов взлома нет, — продолжил Белозёров. — Мы с Аристархом Платоновичем тут обдумывали версию, что работал медвежатник высшей пробы, который по слуху сувальды выставил. Скажи мне ещё раз, только честно: ты сам к какому выводу склоняешься?

— Да не было там никакого медвежатника, Василий, — произнёс Тихон. — Я тот замок с лупой два часа разглядывал. На «Арнгеймах» бронза на сувальдах мягкая. Если туда отмычкой лезть или подбирать шифр по слуху, всё равно царапина останется. А там чистота абсолютная. Замок смазан свежим ружейным маслом, работает бесшумно. Следы только от работы ключа.

— И что это значит? — прищурился Рябинин, взглянув на Мохова.

— А то и значит, Аристарх Платонович, — Мохов качнул головой. — Сейф открыли родным ключом. Без усилий, без суеты. Даже не дубликатом. От любого дубликата тоже следы остаются. Я за время работы насмотрелся на все эти царапины, которые возникают, если ключ не родной.

Василий наклонился вперёд, на секунду забыв про тупую боль в груди:

— Ты хочешь сказать, что замок открыл сам Гусятников?

— Именно так, — кивнул Мохов. — Моё мнение такое: купец сам подошёл к сейфу, сам вставил ключ, набрал шифр, потом повернул ключ и открыл дверцу. А вот почему он это сделал перед тем, как получить клинок под лопатку — это, увы, я понятия не имею. Поэтому и говорю, что это было не ограбление. Хоть по виду и кажется, что грабители работали.

— Мы тоже так с Фёдором Емельяновичем считаем, — добавил Воронов. — Тем более этот Гусятников здоровым мужиком был. Грабителям бы дал отпор. По крайней мере шум бы

точно поднял. А тут никто ничего не слышал. В доме тишина была. И охранники говорят, что собаки молчали.

— Выходит, Гусятников сам своего убийцу в дом привёл, — задумчивым голосом произнёс Василий.

— Может, у него с ним тайная встреча была? — произнёс Рябинин. — Убийца пришёл рано утром или, может, вообще ночью к купцу. Он его встретил, чтобы собаки шум не подняли, и привёл в дом. Охрана же у него только на главных воротах стоит. А с другой стороны дома у него в заборе неприметная калиточка есть, управляющий говорил, что ключи от неё только у Гусятникова были.

— Может, и так, — сказал Белозёров и обвёл всех взглядом. — Я считаю, что вся эта инсценировка ограбления — всего лишь декорация, чтобы скрыть главное. Вы знаете, что из сейфа пропали документы. Бумаги, которые ни один грабитель забирать бы не стал. А тут всё забрали. И копать надо именно в этом направлении. Что-то в этих бумагах было такое, что стоит огромных денег, и именно из-за этих бумаг был убит Гусятников.

— Тогда я вызываю сюда старшего приказчика Захарова, — начал говорить судебный следователь. — Иван Макарович, поезжай на Пречистенку, поговори со вдовой Аграфеной Петровной, может, она что-то знает. Дальше, Фёдор Емельянович и Тихон, займитесь роднёй Гусятникова. Может, кто-то был в курсе его дел.

— Хорошо, Аристарх Платонович, — Воронов встал и, глянув в окно, где ещё шёл дождь, поморщился. — Придётся под дождём ехать. — Потом посмотрел на Румянцева и Мохова. — Вставайте, поехали.

Как только Воронов, Румянцев и Мохов вышли из кабинета, Василий встал из-за стола:

— Поеду домой, Аристарх Платонович. Что-то боль в груди начала донимать. Завтра утром приеду.

— Хорошо, Василий. А то подумай, может, назад в лечебницу? — спросил Рябинин, посмотрев на Белозёрова.

— Нет, — отрицательно покачав головой, Василий стал одеваться. — Лучше дома полежу в тишине и спокойствии.

Рябинин кивнул:

— Забыл тебе сказать, что князь Долгоруков выполнил своё обещание. Пока ты лежал в лечебнице, тебе присвоили чин коллежского секретаря. Так что поздравляю.

— Спасибо, Аристарх Платонович. Это хорошая новость, — улыбнулся Василий. Надев шляпу, он поднял воротник на пальто и, взяв свою трость, покинул кабинет судебного следователя.

На следующий день рано утром Рябинин и Белозёров пили чай, разговаривая на отвлечённые темы в ожидании прихода на допрос Захарова — старшего приказчика Гусятникова.

В дверь кабинета тихо постучали.

— Войдите, — сказал Рябинин, посмотрев на дверь.

В дверях появился старший приказчик Пётр Игнатьевич Захаров. Это был сухопарый человек лет сорока пяти в строгом, но заметно промокшем сюртуке — дождь шёл уже второй день, не переставая ни на минуту. В руках он держал картуз, с которого капала вода прямо на порог кабинета Рябинина. Его взгляд метался от Рябинина к Белозёрову, каждые несколько секунд возвращаясь к папке, лежавшей на краю стола.

— Проходите, Пётр Игнатьевич, садитесь, — Рябинин указал ему на деревянный стул напротив Василия. — В ногах правды нет. Тем более в такую погоду.

Захаров бочком прошёл к стулу, присел на самый край, аккуратно положив картуз на колени. Пальцы его, с тонкими, въевшимися чернильными пятнами на ногтях, заметно подрагивали.

— Я… я по первому вашему зову, ваше высокоблагородие, — сбивчиво заговорил приказчик, голос его слегка сипел. — Как узнал про Ермолая Степановича, так прямо лица на себе не нахожу. Благодетель ведь был! Столько лет у него в конторе… И ведь кто же это? Налётчики? Грабители? Говорят, весь сейф чистенько обчистили, все деньги выгребли?

Белозёров молча наблюдал за ним. Всё говорило о том, что Захаров боялся. И боялся он вовсе не судебного следователя.

Василий Игнатьевич наклонился вперёд, опёрся локтями о стол и посмотрел приказчику прямо в глаза.

— А кто вам сказал, Пётр Игнатьевич, что нас интересуют деньги? — спокойным голосом произнёс Белозёров.

Захаров запнулся на полуслове, рот его остался слегка приоткрытым.

— Ка… как же? — пробормотал он, моргая. — Налёт ведь… Кабинет разгромлен, шестнадцать тысяч наличными и золото…

— Забудьте про шестнадцать тысяч, — перебил его Василий. — И про золотые монеты забудьте. И про погром тоже. Это декорация для городовых. Нас с Аристархом Платоновичем интересует кое-что другое. Куда делась главная конторская книга за последний год? И где папка с актами на владение северными землями?

Цвет лица Захарова мгновенно изменился. Из розовато-серого от уличного холода оно стало землянисто-бледным. Пальцы на картузе сжались так, что побелели суставы.

— Я… я не ведаю, ваше благородие, — пролепетал приказчик, судорожно сглотнув. — Конторские книги всегда у хозяина в сейфе лежали. Он сам за ними следил. Я только текущие счета вёл…

— Не лгите, — тихо, со сталью в голосе проговорил Белозёров. — Наш эксперт осмотрел замок «Арнгейма». Сейф не взламывали. Ермолай Степанович открыл его сам. Своим ключом. Посреди ночи. Он достал оттуда не деньги для грабителей, а именно эти документы. Кому он их показывал, Захаров? С кем у него была встреча?

— Пётр Игнатьевич, вы человек умный. Понимаете, что Гусятников мёртв. И тот, кто его убил, уберёт любого, кто встанет на пути. Если вы сейчас попытаетесь утаить правду — вы следующие, — заговорил Рябинин, поддержав Белозёрова.

Захаров судорожно вдохнул, закрыл глаза и откинулся на спинку стула, будто из него выбили весь воздух.

— Господи Иисусе… — прошептал приказчик, закрыв лицо картузом. — Я говорил ему… Говорил: Ермолай Степанович, не лезьте вы в это дело! Не делайте тайных записей!

Василий переглянулся с Рябининым.

Захаров достал из кармана помятый носовой платок, вытер лоб и несколько секунд просто молчал, собираясь с духом. В кабинете слышался только звук проливного дождя за окном да тяжёлое, прерывистое дыхание старшего приказчика.

— Рассказывайте, Пётр Игнатьевич. Всё до последнего слова, — произнёс Белозёров, не спуская глаз со свидетеля.

— Началось всё месяца полтора назад, — заговорил Захаров, нервно комкая платок в пальцах. — Повадился к Ермолаю Степановичу ходить один человек. Приходил всегда поздно, часов в девять вечера, когда контора уже пустела. С чёрного хода пробирался. Хозяин лично его встречал и в свой кабинет провожал.

— Как выглядел? — спросил Рябинин, доставая чистый бланк протокола допроса.

— Мужик средних лет, худой, небольшая борода. Одет постоянно в чёрное пальто и сапоги вечно грязные — то ли в земле, то ли в глине. Но видно, что не простолюдин, говорил всегда вежливо. И ещё с собой носил тяжёлый саквояж и футляр для чертежей.

— Кто такой, узнали? — поинтересовался Василий.

— Ермолай Степанович его при мне по фамилии не называл. Звал просто — «инженер». Очень похоже было, что это горный инженер был, из Петербурга или с Урала. Я однажды самовар им в кабинет заносил, так своими глазами видел: весь письменный стол завален картами северных земель, чертежами и камнями.

— Камнями? — Белозёров внимательно посмотрел в глаза Захарову. — Какими камнями?

— Обычные камни, ваше благородие. Они всегда в бумагу завёрнутые были. Инженер их моему хозяину показывал и про жилы что-то объяснял, золотые. Они всё время спорили. Ермолай Степанович даже кулаком по столу стучал: «Земли эти я под лесозаготовку брал! Если губернские власти узнают, что там на самом деле, мне их переоформить не дадут, выкупят за бесценок!»

— А инженер что? — вмешался Рябинин.

— А инженер твердил, что надо спешить. Говорил, что горные изыскания закончены и образцы собраны, а если не оформить права на недра в ближайшие недели, про них узнают другие люди. — Захаров вздохнул. — За три дня до этой страшной ночи они опять ругались. Инженер требовал от моего хозяина оригинал каких-то актов на северные земли и деньги на последнюю поездку. Ермолай Степанович сначала упирался, а потом согласился. Сказал, что достанет документы из сейфа в конце недели и передаст ему под расписку.

Белозёров переглянулся с Рябининым. Картина прояснялась с каждым словом приказчика.

— Значит, Гусятников сам открыл сейф, потому что ждал именно этого инженера, — проговорил Белозёров, связывая воедино все детали. — Или того, кто пришёл под его видом.

— Или тот, кто пришёл, точно знал про этот разговор, — мрачно добавил Рябинин и посмотрел на Захарова. — Пётр Игнатьевич, а где останавливался этот инженер в городе, вы знаете?

— Не ведаю, ваше высокоблагородие, — Захаров молитвенно сложил руки на груди. — Ей-богу, не ведаю! Но помню, как он однажды извозчику приказал ехать до Заречья. Сказал, что там у него временная комната снята.

— Заречье… — повторил Рябинин. — Трактиры и дешёвые ночлежки. Отличное место, чтобы затеряться человеку с картами золотоносных жил.

Рябинин положил перед Захаровым протокол допроса:

— Подпишите, Пётр Игнатьевич, и никому ни слова о нашем разговоре, — сказал судебный следователь.

— Конечно, ваше высокоблагородие. Я молчать буду, — закивал Захаров, подписывая протокол. — Я могу идти?

— Идите. И помните: никому ни слова, — ещё раз предупредил Рябинин.

Захаров вышел из кабинета.

— Выходит, Гусятников нашёл на своих участках золото, — произнёс Аристарх Платонович.

— Выходит так. Но точно мы не знаем. Надо искать этого инженера, — ответил Василий.

Дверь в кабинет открылась, и на пороге появились Воронов, Румянцев и Мохов.

— Доброго дня, — буркнул Воронов, стряхивая с себя воду. — Опять все вымокли с этим дождём.

Поздоровавшись и повесив мокрые сюртуки на вешалку, все прошли к столу.

— Захарова встретили на выходе из суда, — сказал Румянцев. — Рассказал что-нибудь интересное?

— Рассказал, но сначала вы, — Рябинин посмотрел на Воронова.

Воронов достал из своей папки и положил на стол несколько протоколов допроса:

— Протоколы допроса по родственникам, если вкратце, никто ничего не знал. Но вот вдова Гусятникова, Аграфена Петровна, кое-что любопытное рассказала.

Белозёров пододвинул к себе документы и нашёл протокол допроса Гусятниковой:

— Что она говорит? — спросил Белозёров.

— Рассказала про поведение мужа в последние два месяца, — ответил Воронов. — Аграфена Петровна говорит, что Ермолай Степанович последнее время был сильно нервным. Обычно спокойный и рассудительный, а тут вдруг стал раздражительным и дёрганным. Из дома почти не выходил, кроме вечерних встреч. А главное — стал хранить в сейфе большие суммы наличности, хотя раньше всё держал в банке. Ещё он продал два лесопильных завода под Костромой. Гусятникова говорит, что заводы ушли за бесценок.

— То есть выходит, он готовил крупную сумму, — сделал вывод Рябинин. — А те самые шестнадцать тысяч, что лежали в сейфе, и золотые монеты были всего лишь частью.

— Не только, Аристарх Платонович, — качнул головой Воронов. — Гусятникова сообщила, что за последнюю неделю он снял со счетов в банках больше сорока тысяч рублей и забрал из хранилища золотые монеты. Шестнадцать тысяч осталось в сейфе вместе с монетами. А куда делись остальные двадцать четыре, вдова не знает. Но она вспомнила один важный разговор. Недели три назад Гусятников вернулся домой поздно ночью и сказал ей: «Если выгорит всё, Аграфена, мы с тобой не просто богатыми будем. Мы всю северную губернию в кулаке держать будем. Никакие промышленники нам больше не будут указывать, что делать».

— Значит, он всё-таки искал покупателей или инвесторов на северные земли? — произнёс Рябинин.

— Или выплачивал авансы за секретные горные изыскания, — возразил Белозёров. — Геология — дело очень дорогое. Экспедиция на север, наём специалистов, тайная доставка проб породы, взятки местным чиновникам за молчание… Деньги расходятся мгновенно.

Белозёров поднялся со стула, почувствовав, как от долгого сидения начинает болеть в груди. Он медленно прошёлся вдоль стола.

— Смотрите, что получается. Гусятников случайно узнаёт про золотую жилу на своих северных землях. Понимает, что сам разработку может не потянуть. Тем не менее он нанимает горного инженера для скрытной разведки. Тот привозит пробы, они подтверждают наличие богатой жилы. Купец начинает спешно собирать деньги, чтобы выкупить смежные участки и оформить исключительные права на недра, пока не проведали крупные промышленники.

— И тут про это узнаёт кто-то ещё, — добавил Рябинин. — Крупный, сильный и совершенно безжалостный.

— Именно, — Белозёров замер у окна, глядя на проливной дождь. — Тот, кто не привык делиться. Зачем покупать земли у Гусятникова за миллионы, если можно просто уничтожить купца, забрать акты, сфабриковать векселя и забрать всё за бесценок?

— Значит, осталось найти этого инженера в Заречье, — произнёс Воронов. — Пока его не нашли люди этого неизвестного.

— Аристарх Платонович, — вернувшись за стол, Василий посмотрел на судебного следователя. — В протоколе вы указали, что изъяли из кабинета много документов. В том числе коммерческие реестры и копии земельных актов Гусятникова.

— Совершенно верно, — Рябинин посмотрел на Мохова. — Тихон, сделай милость, второй шкаф от двери, третья полка. Большая коробка с надписью «Гусятников».

Тихон сразу встал и через минуту уже вытаскивал из коробки большую пачку документов.

Василий посмотрел на объёмную стопку, вздохнул и принялся за работу. В кабинете наступила тишина. Все смотрели на Белозёрова.

— Ты что-то ищешь конкретное, Василий? — не выдержав, спросил Рябинин.

— Бумажный след, Аристарх Платонович, — ответил Белозёров, не поднимая глаз от документов. — Если купец готовил сделки такого размаха, он не мог обойтись без официальных разрешений. Даже чтобы скрыть истинную цель, всё равно необходимо получать разрешения.

Системное мышление Василия позволяло ему сопоставлять цифры и названия, формируя объёмную карту чужого замысла. Белозёров раскладывал перед собой выписки в строгом хронологическом порядке. Наконец он оторвал взгляд от документов:

— Вот, смотрите, — Василий Игнатьевич указал пальцем на одну из записей трёхмесячной давности. — Гусятников подаёт прошение на расширение границы своего лесного надела на одном из северных участков. Назначение — «заготовка строительного леса». Стандартная процедура, стоимость минимальная.

— Вполне обычное дело для купца, занимающегося древесиной, — заметил Румянцев.

— Вполне, — согласился Белозёров. — Но перейдём на месяц вперёд. Гусятников подаёт дополнительное прошение в горное управление. В нём он просит предоставить ему преимущественное право на «разработку строительного камня и сланца» на тех же самых землях. И ссылается на малоизвестную статью Устава о промышленности. И ещё, — Василий посмотрел на Румянцева. — Он подал прошение не как лесопереработчик, а как потенциальный промышленник. Он закрепил за собой право на любые ископаемые, если таковые будут обнаружены в границах надела.

— Хитрец, — усмехнулся Рябинин. — Под видом дешёвого гравия и сланца он фактически зарезервировал за собой всё, что найдёт в земле!

— Да, — кивнул Белозёров. — Но сейчас важно другое. Чтобы окончательно закрепить право на добычу всего, что есть в земле, требовалось заключение горного специалиста. Ему нужен был акт изысканий. Гусятников всё подготовил и похоже собирался отправить папку с документами нарочным прямо в Министерство в Петербург.

— И эта папка лежала в его сейфе в ночь убийства, — сделал вывод Рябинин.

— Да, — кивнул Белозёров. — И теперь у нас есть подтверждение: Гусятников был на шаг от того, чтобы стать владельцем золотого месторождения. Но кто-то в губернском правлении или в нотариальной конторе успел увидеть эти документы и понял, какую ценность представляют эти северные угодья.

Глава 4

— Так, — Рябинин посмотрел на Мохова. — Тихон, срочно поезжай в полицейский участок. Скажи Аркадию Ильичу, пусть поднимает всех своих писарей. Надо найти по книгам записи прибывших, кто из горных инженеров приезжал в Москву за последние два-три месяца.

— Сделаю, — Тихон вскочил со стула, схватил свой сюртук с вешалки и вышел из кабинета.

Белозёров продолжил рыться и изучать документы, изъятые из кабинета Гусятникова судебным следователем.

— Вот, — Василий улыбнулся и поднял глаза. — Нашёл.

Воронов, Румянцев и Рябинин сразу склонились над документом, на запись в котором указал Василий.

— Дважды выплачено по тысяче рублей «инженеру за изыскательские работы на северных участках». А вот здесь, — Белозёров ткнул пальцем в другой документ, — в копии прошения в горное управление, ссылка на акт изысканий, и инженер указан: Поленов Николай Петрович, титулярный советник, горный инженер. Копию акта Гусятников хранил отдельно — скорее всего, именно она лежала в сейфе и пропала в ночь убийства. Но копия прошения осталась.

— Едем следом за Моховым в полицейский участок, — глаза Аристарха Платоновича загорелись азартом. — Зная имя, мы быстро найдём запись в книгах прибывших.

Все стали одеваться. Василий глянул в окно — уж очень ему не хотелось мокнуть. Дождь прекратился, и сквозь тучи уже пытались пробиться солнечные лучи. Пролётка быстро ехала по мостовой. Извозчик подгонял лошадь, а прохожие шарахались в сторону, если экипаж влетал в лужу. Через двадцать минут они уже входили в полицейский участок.

— Добрый день, Аркадий Ильич, — сказал Рябинин, когда они вошли в кабинет начальника полицейского участка.

— Добрый день, Аристарх Платонович, — Горюнов подозрительно посмотрел на Рябинина и на остальных. — Тихон прибыл десять минут назад, уже ушёл к писарям.

— Прекрасно. Мы по тому же делу. Где у вас тут писари сидят? — спросил судебный следователь.

— Пойдёмте, сам провожу, — Горюнов встал из-за стола и направился к двери.

Через сорок минут один из писарей поднял голову и показал на запись:

— Ваш?

— Да, — произнёс Белозёров, вглядываясь в книгу записи прибывших. — Он самый. Поленов Николай Петрович, титулярный советник, горный инженер. Прибыл с Урала два месяца назад. Цель — «частные геологические изыскания и оценка лесных наделов в северных уездах». Проживает в Заречье, на самой окраине. В ночлежке при постоялом дворе Мельникова.

— Район захудалый, кругом трактиры и рабочие бараки, — заметил Горюнов. — Отличное место, чтобы спрятаться.

— Или чтобы быть застигнутым врасплох, — добавил Белозёров. — Надо ехать в Заречье.

Они уже вышли из кабинета писарей, когда к ним подбежал дежурный городовой:

— Ваше высокоблагородие, Аркадий Ильич! — заговорил городовой, обращаясь к начальнику полицейского участка. — Околоточный звонил из Заречья.

У Белозёрова от его слов тут же снова заныла рана в груди.

— В ночлежке Мельникова, которую он при трактире держит у слободского моста, обнаружен труп! — доложил городовой. — Час назад постояльцы шум подняли. Околоточный при-

был, досмотрел вещи… При убитом найдена паспортная книжка на имя горного инженера Поленова!

В коридоре мгновенно наступила тишина. Белозёров медленно опустил так и не надетую шляпу и посмотрел на Рябинина.

— Не успели… — тихо проговорил Аристарх Платонович. — Убийца опередил нас.

— Или Поленова убрали как лишнего свидетеля сразу после того, как забрали документы из дома Гусятникова, — произнёс Воронов и посмотрел на Мохова. — Тихон, поезжай в сыскное отделение, помоги Лужину с оборудованием. Ждём вас в Заречье.

Тихон кивнул и устремился к выходу из здания.

— Аркадий Ильич, собирай городовых и приезжай туда. А мы прямо сейчас поедем, — произнёс судебный следователь Рябинин.

Пролётка тяжело переваливалась через глубокие выбоины, увязая колёсами в жидкой, перемешанной с конским навозом грязи Заречья. Хотя дождь прекратился и над Москвой проглядывало осеннее солнце, на окраине города всё казалось хмурым и серым. Воздух здесь был пропитан тяжёлым запахом сырости и гниющей соломы.

Василий сидел на узком и жёстком сиденье пролётки, одной рукой крепко держась за борт, а другой прижимая к груди отворот пальто. Каждая кочка отзывалась в груди тупой болью: рана от стилета «Мясника» всё ещё давала о себе знать. Белозёров лишь сильнее сжимал зубы и чуть бледнел, но не издавал ни звука. Рябинин, сидевший напротив, внимательно всматривался в лицо Василия, покачивая головой, но расспросами не донимал. Он прекрасно понимал, что Белозёров уже не вернётся в лечебницу.

— Ты совсем бледный, — Рябинин снова покачал головой, всматриваясь в лицо Василия. — Смотреть на тебя тошно. Иван Макарович, скажи извозчику, пусть помедленнее едет по этим ухабам.

— Не надо, Иван Макарович, — выдохнул Белозёров, с силой выпрямляя спину. — Чем быстрее доедем, тем скорее это закончится. На своих двоих легче, чем в этой трясучке.

Пролётка остановилась у двухэтажного здания, сложенного из потемневшего от времени и сырости бревна. Нижний этаж занимал трактир Мельникова, а на верхнем были меблированные комнаты, больше похожие на ночлежный дом для заезжих мелких торговцев и обедневших чиновников, чем на более-менее приличную гостиницу.

Воронов и Румянцев первыми спрыгнули на раскисшую дорогу, за ними осторожно вылез Белозёров, опираясь на трость. Следом вышел Рябинин.

Околоточный надзиратель ходил возле крыльца трактира. Увидев подъехавшую пролётку с сыщиками и судебным следователем, он сразу подбежал и вытянулся по стойке смирно.

— Где труп? — спросил Рябинин.

— Наверху, ваше высокоблагородие, во второй комнате по левой стороне, — сразу начал докладывать околоточный. — Комнату я запер. Ключ у меня. Хозяин, а также все, кто был в трактире и в комнатах, на месте. Я никого не отпускаю.

— Молодец. Давай ключ. Сходим, посмотрим, что там. Ты здесь будь. Скоро Аркадий Ильич приедет с городовыми, и Мохов с Лужиным, — приказал судебный следователь.

Околоточный достал ключ от комнаты и отдал Рябинину, ещё раз объяснив, где находится комната с телом.

Войдя в трактир, они увидели сидящего за стойкой хозяина. Трактирщик Мельников, на вид которому было лет пятьдесят, с бегающим взглядом и сальными волосами, увидев вошедших, выскочил из-за стойки и упал перед ними на колени:

— Ваше высокоблагородие! Ей-богу, не виноват! Не знал я, что он из этих… из учёных! Жильцом был тихим, платил исправно, в трактир не спускался!

— Встать, — строгим голосом приказал Рябинин. — Будешь отвечать только тогда, когда спрашивают.

— Ваше высокоблагородие… да я-то при чём? — продолжал ныть трактирщик. — Он же тихо жил, платил всегда вперёд! На кой мне мертвец в доме? Это ж теперь постояльцы разбегутся, убытку на пятьдесят рублей!

— Да заткнись ты, ради Христа, — поморщился Румянцев, беря Мельникова за загривок и поднимая с пола. — Посиди тихо за стойкой, потом с тобой поговорим.

Лестница на второй этаж скрипела. Подгнившие доски прогибались под тяжестью поднимавшихся наверх. На втором этаже пахло человеческим потом и сыростью; казалось, что здесь вообще никогда не проветривали и не убирались.

В комнате геолога стоял такой спёртый и затхлый воздух, что дышать было невозможно. Сквозь грязное стекло окна лился тусклый свет, выхватывавший из полумрака опрокинутый стул, потемневшие от старости и сырости стены и тело, лежащее возле деревянной кровати.

Белозёров медленно прошёл в центр комнаты, внимательно глядя себе под ноги, чтобы не наступить на возможную улику. Огляделся, подмечая каждую мелочь: следы грязных сапог на полу, сдвинутый с места стол и свисавшую занавеску. Потом прошёл к окну и с трудом, но всё-таки открыл раму, пуская внутрь свежий воздух.

Спустя четверть часа у входа в трактир раздался скрип рессор экипажей и топот копыт. Прибыл начальник полицейского участка Аркадий Ильич Горюнов с городовыми, а следом за ними — Тихон Мохов и фотограф сыскного отделения Пётр Степанович Лужин.

Лужин, тяжело дыша, внёс в комнату штатив с камерой и обернулся к Мохову и городовому, который держал в руках ящик с пластинами для камеры:

— Тихон, саквояж поставь возле двери и доставай сразу лампу. Тут света вообще нет. А ты аккуратно поставь ящик вот сюда, — Пётр Степанович показал городовому на место с другой стороны двери. Потом повернулся к Рябинину и Белозёрову:

— Доброго дня, Аристарх Платонович, Василий.

Белозёров кивнул в знак приветствия.

— Добрый день, Пётр Степанович, сделайте сначала общие снимки комнаты, а потом переходите к телу, — распорядился Рябинин.

Пока Мохов доставал лампу, Лужин установил штатив и подошёл к Белозёрову:

— Сделал осмотр комнаты?

— Да, все следы от грязных сапог принадлежат убитому. Я уже проверил. Сделаете снимки, потом посмотрим тело, — ответил Василий.

Пётр Степанович кивнул и вернулся к Мохову, который уже разжёг лампу и ждал указаний.

— Тихон, встань чуть в стороне, чтобы на снимок не попасть, и подними лампу как можно выше, — сказал фотограф.

Через пару десятков секунд он сменил пластину в камере:

— Можем начинать осмотр тела. Сейчас сделаю снимок.

Лужин переместил штатив ближе к телу, показал Мохову, как держать лампу, и сделал новую фотографию.

Поленов лежал на боку возле узкой деревянной кровати. Белозёров опустился на одно колено, стараясь не делать резких движений, чтобы не вызвать приступ боли. Пётр Степанович опустился рядом.

— Посмотри-ка сюда, Василий Игнатьевич, — сказал Лужин, указывая на небольшое, едва заметное отверстие на сукне жилета под левой лопаткой. — Крови почти нет. Ткань пробита тонким, длинным лезвием.

— Один точный, хладнокровный удар под левую лопатку, аккуратно между четвёртым и пятым рёбрами, — произнёс Белозёров. — Убит мгновенно. Человек даже не успел осознать, что происходит. Почерк один в один, как у Гусятникова. Думаю, когда Семён Лукич сделает вскрытие, он подтвердит мои выводы.

— Тот же самый душегуб? — спросил подошедший Рябинин.

— Думаю, да, Аристарх Платонович. Точнее скажет судебный врач. Но, судя по характеру раны, скорее всего, так и есть, — ответил Василий, поднимаясь с пола с помощью трости.

— Значит, работает, скорее всего, одиночка, — резюмировал Рябинин. — Плохо, очень плохо, если мы имеем дело с профессиональным наёмным убийцей. Ладно, заканчивайте тут. Я пошёл вниз. Воронов с Румянцевым должны уже допросы свидетелей начать. А Мельникова напоследок оставить, — судебный следователь глянул на стоявшего в коридоре городового. — Иди к Аркадию Ильичу, пусть тело забирают и везут в прозекторскую.

Городовой быстро побежал на первый этаж. Рябинин ещё раз обернулся и, глянув на тело, добавил:

— Василий, когда заберут тело и проведём допросы, начнём обыск при понятых.

— Хорошо, я спущусь, как закончим. Хочу послушать, что Мельников скажет, — сказал Белозёров.

Горюнов поднялся вместе с городовыми:

— Василий Игнатьевич, тело забираем?

— Да, Аркадий Ильич. Можно забирать, — ответил Белозёров.

— Аркадий Ильич, поставь здесь городового, — попросил Лужин. — Мне ещё тут, возможно, придётся улики снимать, а я уже дышать не могу. Выйду пока на улицу.

— Конечно, Пётр Степанович, идите. Городовой присмотрит за аппаратурой. Заодно проследит, чтобы в комнату никто не входил без ведома, — кивнул Горюнов.

Лужин и Белозёров направились вниз по лестнице, освобождая комнату для городовых, которые уже стояли в коридоре с носилками.

— Как здоровье, Василий? — поинтересовался фотограф.

— В целом хорошо, но рана всё ещё даёт о себе знать. Грудь ноет постоянно, — Василий непроизвольно потёр место, куда «Мясник» нанёс удар своим стилетом.

— Надо было тебе в лечебнице ещё полежать. Хоть ты и в молодом теле, но оно же тоже не железное, — тихо сказал Лужин, чтобы их никто не услышал.

— Всё хорошо будет, Пётр Степанович. Заживает уже. Пара недель — и всё забудется, — улыбнулся Василий.

Спустившись на первый этаж, Лужин сразу направился к выходу из трактира, а Белозёров подошёл к Рябинину, Воронову и Румянцеву, которые стояли напротив сидевшего за столом хозяина трактира Мельникова.

— Итак, Мельников, — заговорил Воронов, увидев, что подошёл Белозёров. — Поленов жил у тебя почти два месяца. Кто к нему приходил? Вспоминай всё, если не хочешь пойти соучастником по делу об убийстве чиновника Горного ведомства.

— Ваше благородие, да не ходил к нему никто! — запричитал Мельников, крестясь. — Поленов этот, Николай Петрович, всё сидел у себя, бумажки какие-то писал да в лупу камни разглядывал. На улицу выходил только по вечерам. Но… — трактирщик запнулся и глянул на Рябинина.

— Что «но»? — спросил судебный следователь. — Не крути, Мельников. Если не хочешь на каторгу за убийство поехать.

— Накануне это было, ваше высокоблагородие, — чуть ли не шёпотом заговорил трактирщик. — Вчера поздно вечером, как раз во время ливня. Часов в девять, когда в трактире самый шум стоял. Народу полно, все пьют, орут. Со двора через чёрный ход зашёл человек. Я ещё сначала подумал, что постоялец. Они ходят там, чтобы через толпу в трактире не пробираться.

— Как выглядел? — спросил Воронов.

— Высокий, худой, плечи узкие. Одет был в длинное пальто, ткань дорогая, у нас тут в таких не ходят. На голове шляпа с широкими полями, и воротник пальто, главное, поднятый до самого носа. Лица вообще видать не было!

— Назвал себя? — Воронов смотрел на трактирщика, не сводя взгляда.

— Ничего не сказал, ваше высокоблагородие! Спросил только: «Поленов у себя?» Голос такой тихий, я даже с первого раза не услышал. Он поднялся на второй этаж, пробыл там минут пятнадцать, не больше. Потом так же тихо спустился и ушёл через чёрный ход. Я думал, это знакомый Поленова или, может, дружок какой. А сегодня утром зашёл за очередной платой, а инженер-то мёртвый лежит…

Воронов посмотрел на Рябинина, потом на Белозёрова:

— Ну и что делать с ним будем? В участок?

— Да за что же меня в участок, ваше высокоблагородие… — снова заныл Мельников.

— Не надо, толку от него нет, — ответил Рябинин, не обращая внимания на стенания трактирщика.

Мельников, услышав слова судебного следователя, вскочил из-за стола и рухнул перед Рябининым на колени:

— Спасибо, благодетель, спасибо! Я ведь не виноват! Всё рассказал, как на духу… — Мельников хотел обнять ноги Рябинина, но судебный следователь сделал пару шагов назад и повернулся к Василию:

— Пошли обыск проведём. Устал я уже от его стонов.

Белозёров кивнул и вместе с остальными пошёл на второй этаж.

Рябинин махнул рукой понятым, которых привёл околоточный, чтобы они следовали за ним.

Василий дождался, пока судебный следователь даст указания понятым, и приступил к осмотру. Ему было ясно, что убийца что-то искал, но создавать видимость ограбления, как в доме Гусятникова, душегуб не стал.

Белозёров не стал метаться по комнате, а начал от двери, двигаясь справа налево. Проверил подоконники, простучал тростью половицы, осмотрел печную отдушину. Ничего. Осмотрел книги, которые лежали на столе. Затем Василий добрался до кровати, возле которой лежал саквояж Поленова. Саквояж был открыт, внутренние карманы вывернуты наружу. Убийца явно торопился или был уверен, что забрал всё самое ценное.

Белозёров вытащил из него все оставшиеся вещи и сложил на кровать. Потом поднял саквояж и взвесил его на руке.

— Пётр Степанович, — позвал Василий фотографа, — подержите-ка, — Василий передал сумку Лужину.

Фотограф взял саквояж и нахмурился:

— Тяжеловат. Мой, когда пуст, весит намного легче.

Василий Игнатьевич взял саквояж обратно, поставил его на стол и стал тщательно осматривать. Наконец пальцы Белозёрова нащупали едва заметную неровность возле грязных латунных ножек.

— Пётр Степанович, дайте мне ваш тонкий нож, — попросил Василий.

Лужин достал из своего саквояжа нож, который использовал для работы, и протянул Белозёрову. Взяв инструмент, Василий аккуратно поддел дно саквояжа. Звякнули скрытые защёлки. Дно саквояжа приподнялось, открывая узкую, хорошо подогнанную потайную нишу, пропущенную убийцей при поспешном обыске.

Из ниши фальшивого дна саквояжа Белозёров осторожно извлёк несколько предметов. Первым был толстый замызганный дневник в самодельной кожаной обложке, перетянутый резинкой. Страницы его были исписаны мелким, убористым почерком, только вместо привыч-

ных слов там везде были непонятные Василию значки, математические формулы и шифрованные колонки цифр.

Вторым предметом оказался сложенный в несколько раз большой лист бумаги. Василий осторожно развернул его на столе. Это был нарисованный умелой рукой схематичный фрагмент топографической карты северного уезда с подробным нанесением речных русел, горизонталей и высот. В одном месте, на самом изгибе речушки без имени, стоял жирный крест, обведённый кружком, с пометкой «Участок № 4».

Наконец, с самого дна потайной ниши Белозёров достал небольшой холщовый мешочек, перевязанный верёвкой. Мешочек был сильно тяжёлым для своих маленьких размеров.

— Что там, Василий? — не выдержал начальник сыскного отделения Воронов.

Белозёров с трудом развязал туго затянутую верёвку и высыпал содержимое мешочка на чистый лист бумаги, который ему подал Рябинин.

На бумагу с тихим стуком выпали несколько расколотых кусков серовато-белого кварца размером примерно с куриное яйцо. В солнечном свете, едва пробивавшемся сквозь грязное окно, на поверхности камней вспыхнули ярко-жёлтые металлические вкрапления и маслянисто блестящие прожилки.

— Это же порода… — произнёс Рябинин, подойдя к столу. — Похоже, те самые камни, про которые рассказывал приказчик Захаров.

— Не просто порода, Аристарх Платонович, — произнёс Василий, рассматривая самый крупный из кусков. — Это образцы с жилы. И, судя по всему, невероятно богатой.

— Я могу сделать химический анализ в своей лаборатории, — заговорил Лужин. — Я, конечно, не горный инженер, но кое-что понимаю в этом деле.

— Нам нужно немедленно доставить всё это в отделение, — с азартом проговорил Воронов. — Пётр Степанович, запаковывай находки!

— Не спеши так, Иван Макарович. Сначала снимки, потом протокол изъятия. Понятые всё должны засвидетельствовать и подписать, — усмехнулся Рябинин. — Иначе потом мы это всё к делу не приложим.

— Извини, Аристарх Платонович. Азарт, понимаешь ли, — Воронов улыбнулся и отошёл в сторону.

Снимки улик и составление протокола изъятия заняли полчаса. Рябинин опечатал комнату убитого инженера и запретил хозяину трактира её открывать до окончания расследования. Горюнов уехал вместе с городовыми, пообещав Аристарху Платоновичу в кратчайшие сроки прислать ему заключение судебного врача.

Спустя ещё час две пролётки остановились возле сыскного отделения. Забрав оборудование Лужина, все направились к нему в лабораторию.

В лаборатории Лужин быстро снял сюртук и позвал всех в маленькую комнатку, в которой он делал разные химические эксперименты.

Разложив на фарфоровом блюдце образцы породы, изъятые в комнате Поленова, он установил аптечные весы с гирьками и зажёг спиртовую горелку.

Все молча наблюдали за работой Петра Степановича, боясь лишний раз пошевелиться. Василий, с разрешения Лужина, присел на стул, чувствуя, как боль в груди после очередной поездки на пролётке начинает постепенно стихать.

Лужин аккуратно отколол от одного из образцов породы небольшой кусочек, растёр его в ступке и поместил порошок в стеклянную пробирку. Залив содержимое азотной кислотой, он нагрел пробирку над пламенем горелки. Закипевшая жидкость осталась прозрачной, а на дне пробирки осел тяжёлый ярко-жёлтый осадок, совершенно не поддавшийся воздействию кислоты.

Затем Пётр Степанович поместил один из обломков под мощную лупу на штативе.

— Взгляните, Аристарх Платонович, — Лужин жестом пригласил Рябинина к столу.

Судебный следователь посмотрел через лупу на обломок породы. В увеличенном виде серая структура кварца выглядела как горный массив, изрезанный толстыми золотыми нитями, гроздьями и целыми самородными вкраплениями.

— Какова проба, Пётр Степанович? — спросил Рябинин.

— Проба высшая, Аристарх Платонович, не менее девятьсот шестидесятой, — уверенно заявил Лужин. — Это так называемое «самородное золото». В таких концентрациях порода встречается крайне редко. В основном на самых богатых уральских или сибирских приисках. Это не просто рядовая жила. Стоимость такого месторождения может исчисляться миллионами рублей.

— Вот почему Гусятников продал два лесопильных завода под Костромой и собирал деньги, — проговорил Белозёров. — Он понял, что на его северных землях, взятых под простую заготовку древесины, лежит целое состояние.

— И за это состояние уже убиты два человека, — добавил Воронов.

Оставив Лужина в лаборатории и забрав остатки породы, Белозёров вместе с Рябининым, Моховым, Вороновым и Румянцевым отправился в кабинет начальника сыскного отделения.

Иван Макарович по своему обыкновению сразу прошёл в дальний угол и занялся самоваром. Румянцев и Мохов стали ему помогать.

Пока они занимались чаем, чтобы согреться после поездки в Заречье и обратно, Василий Игнатьевич сел возле Рябинина и разложил перед собой дневник Поленова, пытаясь проникнуть в тайну шифрованных записей геолога.

Записи состояли из комбинации букв, цифр и символов, похожих на латинские обозначения химических элементов.

— Думаешь, сможешь расшифровать, Василий? — Рябинин смотрел, как Белозёров, взяв у него чистый лист бумаги, стал делать записи.

— Поленов был инженером, Аристарх Платонович, а не профессиональным шифровальщиком Генерального штаба, — спокойно ответил Василий Игнатьевич. — Его мышление опирается на логику горного дела. Посмотрите на эти регулярные повторы: «А-14», «Б-22». Это не случайный набор знаков. Это обозначения разведывательных шурфов и глубин залегания.

Белозёров, взяв за основу найденный фрагмент карты, начал сопоставлять координатную сетку с комбинациями в дневнике. Через некоторое время Василий подобрал ключ. Последовательность цифр и символов соответствовала немецкой терминологии маркшейдерского дела. Спустя ещё два часа работы Василий Игнатьевич зачитал вслух расшифрованные фрагменты записей в дневнике:

— «12 августа. Шурф № 3 показал на глубине десяти метров первый золотоносный пласт. Мощность пласта не менее двух метров. Кварцевая жила уходит на северо-восток, Гусятников уведомлён нарочным…»

Белозёров посмотрел на Рябинина и продолжил:

— «28 августа. Я составил секретный акт изысканий. По моей оценке, пласт содержит до четырёхсот граммов золота на тонну породы. Ермолай Степанович настаивает на полной тайне до переоформления документов на все участки. Я боюсь за свою жизнь. За мной уже начали следить. Вчера у трактира Мельникова я видел человека, который интересовался, в какой комнате я проживаю…»

Белозёров отложил карандаш и посмотрел на Рябинина:

— Всё сходится, Аристарх Платонович. Гусятников и Поленов действительно открыли уникальную золотую жилу. Но о ней узнал кто-то ещё.

Глава 5

В кабинете Ивана Макаровича снова запахло липовыми листьями от заваренного чая. Массивный самовар, который начальник сыскного отделения поставил на стол, тихонько кипел, время от времени выбрасывая тонкую струйку пара. За окнами уже полностью стемнело. Опять пошёл дождь, и капли застучали в закрытое окно.

Белозёров сидел за столом, откинувшись на спинку деревянного стула. Правой рукой он перекладывал исписанные листы, перечитывая свои заметки и выводы. Левой периодически потирал нывшую рану. Василий лишь чуть крепче сжимал губы, когда боль становилась сильнее, полностью погрузившись в логическую паутину расследования.

— Вы посмотрите, как интересно складывается картина, — вдруг заговорил Белозёров, отрываясь от бумаг. — Когда мы выяснили, что Гусятников и Поленов открыли золотое месторождение, то посчитали купца единственным, кто станет владельцем этой золотой жилы, а суть лежала совсем в ином горизонте. Горный инженер не просто работал на купца, он был связан с ним общей тайной. Я думаю, что Поленов давно знал об этой жиле и хранил это в секрете. А потом договорился с Гусятниковым о совместном предприятии, так как своих денег у него не было.

Воронов глянул на Тихона Мохова, и тот, встав, подлил всем из большого заварника свежего чаю. Белозёров благодарно кивнул и сделал осторожный глоток, чтобы не обжечься.

— Значит, думаешь, они были компаньонами? — спросил Румянцев.

— Да, Фёдор Емельянович, — ответил Василий. — Я теперь в этом уверен.

— Один — гигант лесопромышленности, продавший два лесопильных завода и опустошивший свои банковские счета, а второй — нищий горный инженер, коротавший ночи в зареченской ночлежке за тридцать копеек в сутки, — усмехнулся Рябинин.

— Именно так, Аристарх Платонович, — Белозёров разделил лежавшие на столе бумаги на две ровные стопки. — Подумайте сами. Вот первая половина нашей задачи, — Василий положил руку на одну из стопок, — то, что хранилось у Гусятникова. Права на пользование северными лесными наделами, государственные акты на право вырубки, купчие на землю и те самые подробные чертежи межевания, которые выгребли из его открытого сейфа в ночь убийства. Ермолай Степанович Гусятников был юридическим и финансовым фасадом всего предприятия. Он владел землёй, имел законное право вести на ней любые работы и обладал деньгами, которые выручил от спешной продажи двух костромских лесопильных заводов. Ну и, конечно же, он имел собственные накопления, которые использовал на текущие расходы.

Воронов, сидевший рядом с Рябининым, спросил:

— А горный инженер Поленов, выходит, держал в руках вторую часть?

— Вторую и самую опасную, Иван Макарович, — кивнул Белозёров, указывая на холщовый мешочек и расшифрованный дневник. — У Поленова находились неопровержимые научные доказательства. Химические пробы, результаты изыскательских шурфов, маркшейдерские расчёты и сами физические образцы. Лужин в лаборатории нам всё подтвердил: проба высшая, чистейшее самородное золото. Гусятников давал деньги и законную бронь перед губернским правлением, а Поленов собственными ногами исходил эти земли. Он лично брал пробы и точно знал, в каком именно месте залегает эта сказочная жила.

— То есть без Поленова земли Гусятникова — обычные глухие лесные наделы, — задумчиво проговорил Румянцев, потирая подбородок. — А без бумаг Гусятникова находка Поленова — всего лишь красивый булыжник в кармане.

— Совершенно верно, Фёдор Емельянович, — резюмировал Василий Игнатьевич, слегка наклонившись вперёд. — По отдельности две эти части не имели той бешеной, миллионной ценности. Но вместе они открывали доступ к колоссальному богатству. Убийце требовались

оба комплекта. В доме купца он забрал оригиналы правоустанавливающих документов и генеральные чертежи, пустив Гусятникова под нож. А затем отправился в Заречье за Поленовым, чтобы забрать у него геологические отчёты и навеки заставить замолчать единственного человека, способного указать точное место на местности. Единственное, в чём просчитался этот человек, — он проглядел потайную нишу в саквояже инженера.

Белозёров аккуратно разгладил ладонями лист бумаги, который вытащил из тайника в саквояже Поленова. Свет большой керосиновой лампы просвечивал плотную бумагу насквозь, проявляя мелкую сетку горизонталей, извилистые нити речных притоков и аккуратные, почти ювелирные пометки, сделанные Поленовым.

Белозёров склонился над картой, стараясь не опираться грудью на стол, и внимательно всмотрелся в правый край документа.

— Взгляните вот сюда, — сказал Василий, указывая пальцем на край разложенного перед ним фрагмента карты.

Все пододвинулись ближе, стараясь не загораживать свет.

— Я могу с уверенностью сказать, что карту разрезали на две части, и резали в этом месте намеренно. Посмотрите, как идёт край. Он не ровный. Разрез идёт прямо по руслу этой безымянной речушки, — Василий повёл пальцем по краю карты. — Он точно рассекает топографическую сетку пополам, условные знаки, нанесённые Поленовым, цифры высот и градусные пометки. Всё обрывается на полуслове, оставляя для всех лишь головоломку из недорисованных линий и недописанных слов.

— Хорошо, карта разрезана, — констатировал Рябинин, вернувшись на своё место. — И перед нами только фрагмент всей карты с указанием залежей руды. Что нам это даёт?

— Резали её так специально, Аристарх Платонович, — Белозёров снова откинулся на деревянную спинку стула, поморщившись от резкого укола под рёбрами. — Я думаю, что это была их взаимная страховка. Гусятников не мальчик, а серьёзный состоявшийся купец. Он отлично понимал, что полностью доверять нищему горному инженеру нельзя. Именно поэтому часть карты с половиной координат жилы была у него. Своеобразная страховка. На случай, если Поленов решит продать эти сведения за бесценок на сторону. Инженер тоже не был наивным юношей и не собирался полностью доверяться купцу. Он опасался, что купец, получив полные координаты, просто выставит его за дверь без единого рубля.

— Вот они и разделили секрет надвое, — подхватил Румянцев, делая глоток чая и ставя чашку на стол. — Один держал права на землю и часть карты, а второй — образцы породы, химический анализ и вторую часть карты с координатами.

— Именно, Фёдор Емельянович! — подтвердил Белозёров. — В том-то и кроется главная деталь, которую мы упустили при первом осмотре дома Гусятникова. В вычищенном сейфе Ермолая Степановича, помимо прав на землю, лежала первая часть этой карты, скорее всего, генеральный план с привязкой к уездному центру. А у Поленова находился только этот крупный план, детальная топография самого «Участка № 4» с пометками шурфов.

Белозёров взял карандаш и провёл им вдоль линии разреза карты:

— Вот, смотрите, без первой половины этот фрагмент даёт нам только изгиб речки и рельеф сопок. В северных землях таких речушек сотни штук, искать можно годами и не найти! А без этой части карта Гусятникова — один сплошной и глухой лесной массив.

— Стало быть, убийца, забрав из сейфа карту, мог и не знать, что это всего лишь её часть, — задумчиво заговорил Рябинин. — Но когда развернул её в своём укрытии, понял, что нужна вторая половина, ибо без неё полных координат жилы нет!

— Совершенно верно, — улыбнулся Белозёров. — Мы уже говорили, что по отдельности документы Гусятникова и Поленова не имели смысла. Но карта с точными координатами золотой жилы — главный ключ. Ведь можно иметь землю, можно иметь образцы породы и химический анализ. Но если не знать, где жила, то смысл теряется. Возможно, убийца считал, что у

Гусятникова в документах будет полная карта. Но получил только половину. И именно поэтому он немедленно отправился в Заречье, к Поленову. Ему нужна была вторая часть карты, как, собственно, и всё остальное, что хранилось у Поленова. Но в ночлежке он либо торопился, либо чего-то испугался. Убив инженера, он быстро обыскал комнату, возможно, даже что-то забрал. Но он проглядел потайное дно саквояжа и ушёл без карты, дневника и образцов породы.

Из дверей сыскного отделения Рябинин и Белозёров вышли уже далеко за полночь. Дождь закончился, но тучи плотно закрывали небо. В городе стояла почти кромешная темнота. Фонари вдоль улиц еле горели, освещая вокруг себя лишь небольшое пространство.

Василий спустился по ступеням крыльца, опираясь на трость. Ночная прохлада мгновенно забралась под пальто, и раненая грудь ответила на холод тянущей болью. Белозёров невольно прижал левую руку к груди. Выждав пару секунд, пока приступ утихнет, он глубоко вздохнул.

— Ничего не видно, — Рябинин поднял воротник сюртука. — Сейчас бы на пролётку и до дома.

— Не торопитесь, Аристарх Платонович, — тихо произнёс Белозёров, не меняя позы и делая вид, что разглядывает набалдашник своей трости. — Смотрите вперёд и не крутите головой.

Рябинин мгновенно замер. Опыт старого судебного следователя проявился сразу. Он не стал оглядываться или нервно дёргаться, а лишь чуть повернул голову, как будто высматривая пролётку.

— Что там, Василий? — чуть слышно спросил Аристарх Платонович.

— У дома напротив, в арке за столбом. Арка ближе к углу здания, — тихо ответил Белозёров. — Человек стоит и за нами наблюдает. Появился сразу, как только мы из двери здания вышли.

Они медленно пошли вдоль фасада здания сыскного отделения в сторону улицы, на которой обычно в это время ещё можно было встретить извозчика. Из арки за ними не спеша двинулся тёмный силуэт.

— Идёт следом, — спокойно заметил Василий, едва поворачивая голову. — Держится грамотно. Не приближается, идёт в тени дома, чтобы мы его не видели, шаг подстроил под наш. Это не какой-то рядовой воришка и не пьяный извозчик. Это чистый филёр. Профессионал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.